

Аль Джали

УБИТЬ ЕВРЕЯ

Аль Джали Убить еврея

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735617
ISBN 9785449315984*

Аннотация

Только новый бог, который придет, прокладывая себе путь мечом, спасет цивилизацию. Старые боги уходят, когда люди перестают им молиться, новые приходят, когда люди, подготовленные идеей «бога неведомого», начинают формировать его облик, ориентируясь на вызовы времени. Так кого же бога мы ждем? Для Артема – это не праздный вопрос, ведь события, происходящие в мире – это не хаос, а броуновское движение, в котором надо вовремя разглядеть вектор направленности и скорректировать его... если удастся.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ДОБРЫЙ ДЬЯВОЛ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

129

Убить еврея

Аль Джали

© Аль Джали, 2018

ISBN 978-5-4493-1598-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ДОБРЫЙ ДЬЯВОЛ

...Убить! Убить! Убить еврея!

Это вопль резонировал в сердце, выкручивал мочевой пузырь, хлестал по глазам. Наконец, он достиг мозга и взорвал его...

Мокрый жгут окольцовывал горло, откуда вырывался хриплый стон. Казалось, малейшее движение еще больше затягивает кольцо, приближая неминуемый конец. Артём сжал зубы, задержал дыхание и попытался сосредоточиться. Когда сердечный ритм почти нормализовался, он открыл глаза.

Свет ударил так больно, словно в окно светила не луна, а полуденное солнце. Стараясь не шевелиться, чтобы не затянуть петлю, он обвел взглядом вокруг. Это была его комната, его окно, его кровать. А жгут? Артём принялся медленно высвобождать горло, отметив, что это не так уж и трудно. Оказалось – это была его простыня. Мокрая. «Черт! – подумал он, – как же она очутилась на шее?» Лучше бы он не напрягал память. Она с мгновенной услужливостью напомнила его кошмар. Он был настолько живым, что желудок попытался отреагировать. Артём включил свет и, вытащив себя из постели, и поплелся в ванную. Потом побрел на кухню. Открыл холодильник и тупо уставился в него. Взял бутылку сока и вышел на балкон. Четыре часа ночи – время особенной тишины. Это – экватор сна, его равноудаление от про-

буждения. Артёму не хотелось додумывать эту мысль, после которой по инерции следовали бы размышления о привидениях и оборотнях.

Он вошел в комнату, долго рылся в поисках чистого листа и ручки, потом сел за стол и написал: «Мои знакомые евреи». «Черт! – резюмировал он после получасового напряженного мышления, – Кажется, я единственный человек, у которого таковых нет. Как же я умудрился прожить 27 лет, побывать в стольких странах и не познакомиться ни с одним евреем? А ведь говорят, они повсюду».

Он сделал еще одну ревизию памяти, но итог был тот же – нет!

– Ну, нет, так нет, – подытожил Артём и, вооружившись детективом, вернулся в постель. Последнее, что проплыло в мозгу до погружения в сон, было: «Почему я писал свой список не в компе, а на бумаге»?

Когда его выбросило из постели, он услышал свой дикий крик. Именно выбросило – Артем почувствовал это физически. Сон длился ровно 3 минуты. 3 минуты, за которые он увидел двухсерийный фильм. Ужасный! Огромная толпа в странных одеждах неслась на Одинокого человека, который, вместо того, что бежать сломя голову, в спокойном напряжении ожидал ее приближения.

– Убить! – орала орда. —Убить! – стучало в голове Одинокого человека.

Когда фронт толпы вплотную подошел к нему, Артёма

выбросила из сна. Ему казалось, что он сам сделал это усилием своей воли, чтобы не видеть того, что с очевидностью должно было произойти с Одиноким. В тот самый последний миг, когда сила вырвала его из сна, он успел слышать чью-то тихую констатацию с нотой явного сожаления: «Боишься». Но в миг пробуждения сразу забыл об этом. Он думал об ужасе.

Нет, сам по себе сон не был триллером, иногда он видел куда круче – натурализм, какой не снился и киношникам. Ужас был в том, что во сне Артём отчетливо осознавал себя одновременно и Одиноким и толпой. Он выполз из постели, понимая, что сегодня уже не вернется туда. Залез под душ и вышел, только когда зубы стали выбивать степ. Пошел на кухню, перебрал пакетики с разными сортами чая и решил заварить настоящий и по всем правилам. Вернулся в комнату, включил комп и нырнул в Интернет. Слегка почитал, зашел на порно сайты и, почти было, забыл о кошмаре, как в мозгу вдруг всплыло: «Боишься...».

– Черт! – подумал он, – Черт! Черт! Черт! Да что ж это такое?!

Лесбы, которых он до этого рассматривал с ироническим восхищением, вдруг показались мерзкими уродинами. Артём понял, что Ужас не даст ему покоя.

Он оделся и вышел на улицу. Было начало шестого.

*****

– Сползай, – сказала Ада.

– Что? – не понял Артём, по инерции продолжая свои безуспешные потуги. А когда дошло, кровь ударила в голову. – Сука, – подумал он, – в кино в таких случаях женщина пытается успокаивать мужчину, а эта, как...

Найти определение он не успел. Ада бесцеремонно спихнула его с себя. Встала, подошла к окну, уселась на подоконник и закурила. Его всегда бесила эта ее привычка – сидеть нагишом на подоконнике. Ее аргументы – занавеска, девятый этаж, напротив нет дома – его не устраивали. Его не устраивало ничего, из того, что делала Ада. Она его бесила. Уже три года. Если б и она относилась к нему так же, он бы еще понял – борьба и единство идентичных противоположностей. Но она к нему относилась «дискретно» – так она сама определяла это. Все еще глядя в окно, Ада сказала: «Посмотри на себя».

– Что? – опять не понял он.

– Посмотри на себя. В зеркало, – уточнила она. Артём подошел к зеркалу, стараясь не смотреть на то, что было не достойно даже беглого взгляда, ибо так опозорило его. А в остальном... торс – что надо, просто супермодель. Лицо... Лицо! Это было не его лицо. Надменное с брезгливым изгибом губ.

– Ну, – услышал он голос Ады, – что скажешь?

– Черт! Не знаю, – прохрипел Артём.

– Боишься? А я..., – он не успел дослушать, потому что заорал: «Да что вы пристали ко мне с этим? А ты...»

– Не ори, – сказала Ада, – ты мне не дал договорить. Успокойся и давай на кушетку.

– Нет, сказал он, – тоже мне психоаналитик хренов. Не хватало стать твоим пациентом.

– Ну-ну, – выдохнула она струю дыма. Как знаешь. Надумаешь, моя такса тебе известна. Хотя могу сделать скидку.

Артём, уже одетый и направлявшийся к выходу, остановился, пошарил взглядом по комнате, взял нефритовую статуэтку и запустил в горку посуды. Ада, наконец, соблаговолила оторваться от окна и посмотреть на Артёма.

– Отлично, – сказала она, – а теперь посмотри в зеркало.

Артём почувствовал, как у него зашевелились волосы.

– Не бойсь, – хмыкнула ведьма на подоконнике и он, почему-то успокоившись, подошел к зеркалу. Оттуда на него смотрел его привычный фейс крутого мачо, как определяли это женщины.

– То-то! – донеслось из зоны окна. – И пусть кто-то осмелится называть меня хреном.

Конечно, надо было сделать жест примирения, но Артём буркнув: «Счет вышли по «мылу», вышел, злобно хлопнув дверью.

За пару дней он сделал работу, от которой отверчивался три месяца – дописал две статьи в журналы, прописал блок рекламных роликов фирмы, производящей соки, придумал слоган и лого для очередных мелкотравчатых выборов и концепт под это дело. Конечно, это можно было считать халтурой и, если честно, таковой она и являлась. В «цивилизованном мире» каждым пунктом этого списка занимался бы соответствующий отдел. «— Но, – подумал Артём, с удовольствием отключая комп, – мы, слава Богу, в ином измерении. И получилось неплохо». Способность к языкам – он знал семь и постоянно что-то прибавлял к списку – давала возможность жить как «птички небесные», не задумываясь о хлебе насущном. Плюс связи отца в глобальном мире. Так что Артём, хоть и не числясь в штате ни одной, был фактически постоянным корреспондентом нескольких солидных изданий в Европе и Америке. Ко всему прочему, это давало возможность путешествовать по миру на неплохие командировочные. Впрочем, он и так не был стеснен в средствах – на его 18-тилетие отец открыл на его имя счет в одном из швейцарских банков. Не только из пижонства, просто, он жил в Швейцарии.

Довольно насвистывая, Артём спустился вниз, оседлал своего мерина и решил, что вечер проведет, как Бог на душу

положит – не планируя.

Очевидно, у Господа было не лучшее настроение, потому что на светофоре в мерин Артёма сзади кто-то ткнулся. Он выскочил из машины и пришел в себя, уже когда его оттаскивали от водителя злосчастной хонды. Но он умудрился-таки вывернуться и достать гада. Дальнейшее покрыл туман.

Когда Артём открыл глаза, оказалось, что он лежит на асфальте. Мокрый – видимо его приводили в чувство, обильно поливая водой. На рубашке была кровь. Рядом стояли два автоинспектора. С фальшивым участием они помогли ему подняться и затребовали права. Кряхтя, Артём вытащил их из бардачка и протянул менту. Тот после трех взглядов на Артёма и на фото с усмешкой изрек: «Понятно. А доверенность у вас есть?»

– Какая? – удивился Артём.

– На вождение машины, – как тупому медленно сказал гаишник.

– Издеваетесь? Я дал вам права, – рявкнул Артём и услышал: «Дал. Только не свои. Может, ты угнал машину?»

– Да, вы внимательней посмотрите. Это же я! И машина моя и права. Читать не умеете?

– А ты не хами, вмешался второй блюстителю порядка. И читать умеем, и фото разглядывать и пальчики снимать. И не лезь на стенку, лезь в машину. Нет, не в эту, в нашу.

Когда его впихивали в полицейскую ауди, он случайно посмотрел в боковое зеркало и понял. Это опять было то

самое чужое лицо! Оно настолько не имело ничего общего с его собственным, что он понял скепсис ментов. Удивительно еще, что этот циничный изгиб губ не вывел их из себя.

Напряжение спало. Артём обмяк и позволил впихнуть себя в салон. По дороге менты рассуждали о дураках, которые вместо того, чтобы полюбовно решить проблемы – ведь царапина на машине была пустяковая – лезут в драку. А самое, мол, смешное, что владелец хонды не отрицал своей вины и готов был возместить ущерб, но глупый и грубый угонщик, Артём, то есть – встал на рога. До чего оборзел народ! Артём из всех сил держал себя в руках, чтобы не встрять в диспут.

Наконец, они доехали до отделения и Артёма повели по коридору. Неожиданно его ослепила вспышка. Вместо того, чтобы зажмуриться, он, почувствовав, что его тело готово к прыжку, еще шире распахнул глаза. Еще одна вспышка и... Рывок Артёма и железная хватка мента на его плече произошли практически одновременно. Один из ментов, ругаясь, поволок Артёма дальше, впихнул его в какой-то закуток и, заперев дверь, прогромыхал по коридору. Бросившись на кровать, Артём слушал брань второго, что-то орущего – видимо, фотографу.

*****

Артём открыл глаза. Невообразимо тощий полицейский тряс его за плечо, гудя, что не время дрыхнуть, его давно

ждут. Артём встал, чувствуя необыкновенную ясность в голове и общий прилив сил.

«Доброе утро, – улыбнулся он и добавил, – Веди меня, Вергилий». По дороге он почему-то вывернул куртку наизнанку, отметил, что без носок и перестал думать. Через пару минут они оказались в кабинете следователя, который что-то весело говорил по телефону. Кивком он предложил Артёму сесть и кивком же отпустил Тощего. Все еще продолжая разговаривать, он глянул в лежащее перед ним «дело», поднял глаза на Артёма, снова опустил их в бумаги, опять посмотрел на Артёма, и... благостное выражение его лица стало деревенеть. Артём понял, в чем дело и изо всех сил постарался «не менять лицо». Наконец, следователь завершил телефонный разговор, но начинать беседу с Артёмом не спешил. Он выпятил нижнюю губу, скосил на нее глаза, что-то чиркнул в компе, снял трубку и попросил, чтобы сержант Епремян зашел к нему. Пока он все с той же выпяченной губой что-то строчил в компе, Артём пригладил волосы, заправил рубашку, словом, попытался привести себя в приличный вид. Наконец дверь открылась, и с преувеличенно почтительным: «Разрешите?», на пороге возник один из давешних копов. Следователь кивнул, продолжая что-то остервенело выстукивать на клавиатуре.

– В Сети, что ли? – подумал Артём, отмечая, как вянет «преувеличенная почтительность» копа, которому так и не было предложено сесть. Видать, не простые отношения

в команде, подумал Артём и услышал: «Ну?».

Они оба – Артём и коп одновременно посмотрели на следователя. – Ну, повторил тот, взглянув на Епремяна, – как прикажете понимать?

– Что? – спросил тот. Следователь вздохнул, обозначая, с каким человеческим материалом ему приходится работать, и спросил: «Вы знаете этого человека?»

Коп посмотрел на Артёма, который не преминул придать своему лицу выражение блаженного идиотизма, чтобы окончательно сбить бедолагу с толку. Епремян, чувствуя, что над ним издеваются, набычившись, буркнул: «Нет!». – А какого черта вы его задержали? – спросил следователь, рукой подзывая к себе Епремяна и подвигая к нему «дело». Тот посмотрел в бумаги, потом на Артёма, потом в бумаги и побагровел: «Он был другой». Следователь демонстративно вздохнул: «Епремян, вслушайтесь в свою фразу: „ОН БЫЛ ДРУГОЙ“. Он и другой – взаимоисключающие понятия. Ясно?»

– Да, – буркнул Епремян, судя по всему, решивший, что чем раньше он отсюда уйдет, тем лучше.

– А мне вот не ясно. Ни-че-го! – мстительно объявил следователь. – Если это Артём Мамьян, а это он и есть, ибо соответствует фото на правах, то, за что его задержали? В рапорте написано о хулигане, который угнал машину Мамьяна, а на фото, сделанных журналистом, который черт-те как оказался здесь, совсем другое лицо. Если же это один и тот же

человек, то почему вы говорите, что не знаете его? Не говоря уж о том, как на месте хулигана-угонщика в камере оказался Артём Мамьян? Ладно, – еще раз вздохнул он, поняв, что от его вопросов мозги Епремяна вряд ли стали работать интенсивней, – идите.

Когда за Епремяным закрылась дверь, следователь снова выпятил губу, потом втянул ее и изрек: «Ну?». Артём развел руками. Следователь вздохнул. Дверь без стука открылась. Вошедший начал говорить на английском, дошел до стола, пожал следователю руку, бросил взгляд на бумаги на его столе, и спросил: «Что за Тутанхамон?». Не дожидаясь ответа, он передал следователю пакет и вышел. Следователь с минуту рассматривал фото на своем столе, потом сказал: «Тём, я, что, так изменился»? Артём, который после Тутанхамона начал медленно покрываться потом, выбросил себя в реальность, отметив, что фраза следователя была какой-то женской. Тот ухмыльнулся и сказал: «Впрочем, не будь здесь написаны твои имя-фамилия, я бы тоже тебя не узнал».

– Котик! – подскочил Артём. – Надо же! Черт! Сколько лет прошло! Я же в классе шестом уехал. Черт, и где встретились!

– Да, уж, – улыбнулся тот в ответ, – и. главное – как! Точнее, как всегда на поле боя.

– А что с Алкой?! – это они сказали одновременно и рассмеялись, уже не сдерживая себя.

– Ладно, брат, – сказал Котик, – формально у нас к тебе

претензий нет, Передай, пожалуйста, стакан и папку. Спасибо. Пойдем, посидим где-нибудь. Да, вот здесь распишись. Никуда не уезжаешь? Если что, я позвоню, зайдешь, да? ОК, пошли.

– Слушай, Котик, а можно я возьму одно фото.... Тутанхамона?

– Хочешь ему...

– Нет, просто интересно.

– Ты, что, знаешь его? Ладно, только обещай без самостоятельности. Бери.

Они вышли.

*****

Мишка – знакомый дизайнер – отсканировал фото «Тутанхамона», которое дал ему Артём, рядом поместил фото с изображением настоящего Тутанхамона и резюмировал: «Фигня».

– Ладно, – вздохнул Артём, – давай, нахлобучь на моего фараона атрибуты с настоящего и, вообще, поколдуй над лицом. Он курил, изредка давая Мишке ЦУ (ценные указания), на которые тот фыркал, хотя и внедрял. Наконец, не выдержал: «Бред! Не притягивай за уши. Совсем другое лицо». Артёму ничего не оставалось, как согласиться. Он вышел от Мишки, думая о том, почему его так заклинило на Тутанхамоне. На мобиле прорезался номер Котика. Артём вздох-

нул, понимая, что хорошего ждать не стоит. Нарочитое безразличие в голосе следователя, приглашавшего выпить пива, не обмануло. Приглашение было не из дружеских, а из тех, от которых нельзя отказаться.

После обмена репликами о джазе – обязательными в ереванском кафе «Поплавок», Артём сказал: «Братан, конечно, чем лучше актер, тем длиннее он держит паузу, но, давай не будем играть в Раскольникова и Порфирия Петровича».

– Я сличил отпечатки пальцев, – сказал Котик. И потому, что он обошелся без предисловий, и сам его тон не оставляли сомнений – он в шоке, но иллюзий о «сотрудничестве» не питает. Артём закурил: «Мне нечего тебе сказать». Котик кивнул, словно подтверждая, что иного не ждал и положил перед ним распечатку. На одной был «Тутанхамон» – снимок, сделанный журналистом с Артёма в коридоре ментовки, на другой – фото настоящего с барельефа с изображением фараона.

– Тутанхамон, – выдохнул Артём.

– Эхнатон, – поправил Котик, – Он же – Аменхотеп, он же муж небезызвестной Нефертити, он же – великий реформатор, он же...

– Черт! – Артём со злостью раздавил в пепельнице окурок, – а меня заклинило на Тутанхамоне.

– Стандарт мышления, – без иронии и превосходства сказал Котик, – Лицо на фото было фараонское, а самый хрестоматийный для большинства – это Тутанхамон. Поэтому

Алекс такотреагировал. А в тебя засело. Значит, и тебя...

Мобильник Артёма заверещал, сообщая о месидже от Ады. Артём прочел: «Эхнатон». Она переслала и фото.

– Ведьма, – сказал Артём, – а она откуда взяла?

Пока он думал, говорить об этом Котику или нет, тот, перегнувшись, будто за зажигалкой, посмотрел картинку.

– Ну, – безлично произнес он.

– Мистика какая-то, – сказал Артём, – все равно, ты мне не поверишь. Хочешь, засади, хочешь, оштрафуй – делай, что хочешь, но я не знаю, что тебе сказать.

К его удивлению, Котик не стал настырничать. Допил пиво, похлопал саксофонисту, бросил какую-то незначительную реплику по поводу «Поплавка», где уже собираются не эстеты, а чёрт-те кто и сказал, что ему пора. Даже не предупредил, чтобы Артём позвонил, если что надумает. Это было особенно плохо. Они сухо простились.

Артём заехал на базар, купил веник, отправился в цветочный магазин и попросил упаковать «букет» так, чтобы содержимое стало понятно только после того, как снимут обертки. Взял в супермаркете кучу разных орешков, сухофруктов, отличное гранатовое вино и отправился к Аде.

Выражение ее лица при виде шикарно упакованного букета – Артём никогда не дарил цветы – из индифферентного стало удивленным. Правда, с плохо скрываемой радостью, за которой читалось: «Я сломала его». Приняв пакет, она отправилась на кухню. Артём занял место у окна, понимая, что

в этом случае прагматичная Ада вряд ли швырнет в него что-то тяжелое, способное разбить стекло. Но она опять обманула его ожидания. Вошла с подносом, на котором были вазочки со всякой принесенной им дребеденью, вино, бокалы и ваза с веником. Веник, кстати, смотрелся в букете неплохо. Расставила все на столе. Он разлил вино, она попросила включить музыку. Выпили. Заговорили о пустяках. Артём почувствовал, что ему не по себе. Случайно поймал взгляд Ады – ухмыляющийся. Она поставила на стол старинный потрясающей работы графинчик и усмехнулась уже открыто.

– Отравила, – понял он и, собрав последние силы, двинулся к выходу.

– На кушетку, – услышал он и вырубился.

*****

Мальчик заглянул в комнату и увидел на кушетке маму. Рядом стоял какой-то дядька и что-то над ней делал. Никогда! Никогда мальчик не видел на ее лице такого выражения блаженства. А он ведь всегда старался угодить ей! Он так старался, но она всегда оставалась печальной, изредка улыбаясь так, словно это причиняло ей боль. И вдруг какой-то гнусный дядька, и эта его поза над ней и... испуг в глазах мамы, когда она поймала взгляд сына и... дядька, обернувшийся, чтобы увидеть, что ее так напугало. Если бы дядька не обернулся, может, все не было бы так ужасно. Может,

не произнеси он: «Не бойся!», все кончилось бы иначе. Но он обернулся и сказал эти слова, потом его отшвырнуло к стене, что-то хрустнуло в шее и...

*****

Артём открыл глаза, когда сердце готово было вырваться через его хрипящий рот. Он сжал губы, усилием воли загоняя его обратно, смахнул пот с глаз и увидел ведьму. Впервые в жизни в ее глазах читался страх.

– Боишься? – прошипел Артём и сделал попытку встать. Не получилось. Ада протянула ему бутылку негазированной воды, и он выхлебал весь литр. Она села на подоконник в своей любимой позе, закурила и, глядя в окно, сказала: «Я ничего тебе не подсыпала. Флакончик показала так, чтоб побесить... за веник. Я не ждала, что тебя... что ты...»

– Боишься? – повторил он мстительно, словно, впервые за долгое время, пробуя на вкус это запретное омерзительное слово.

– Да, – сказала она, – И что? Что страшного в том, что можно испугаться? Почему ты так реагируешь? Ты реагируешь на слово или на состояние?

– Отвянь, – вяло сказал Артём, – если ты скажешь, что не рыскала в моем подсознании, значит, это не первая твоя ложь. Тогда... Все.

– Испугал! – вздернула она брови, но, вспомнив, что сло-

во под табу, извинилась: «Ладно, забудем. Я пробовала порыскать. Это...

– Это все равно, что оглушить девушку и изнасиловать, – перебил он, зная, что «изнасиловать» – под ее личным табу, как «не бойся» – под его. Это было низко, но он жаждал низости. Она даже не поморщилась: «Это было единственное, что я могла сделать – ты хрипел, тебя на метр подбрасывало над кушеткой. Я боялась, что „Скорая“ не успеет. Надо было что-то делать – это на уровне профессионального рефлекса».

– И?

– Ты, хотя бы перестал подпрыгивать.

– Что ты увидела? – грубо перебил он и повторил. – И?

– Думаю, он – мальчик, все не так понял.

– Дура! – резюмировал Артём. Встал, пошел в душ, оделся и вышел.

Пол ночи он колесил по городу, заходил в бары, снял проститутку, опять пошел по барам. На автопилоте доехал до дому. Вошел в квартиру и, не раздеваясь, упал на диван.

Проснулся от омерзительной тошноты. Ярко светило солнце. Он обрадовался, что столько спал – организм после многодневной бессонницы был на пределе. Поташился в ванную и увидел, что дверь в квартиру открыта. Нахмурился, подумав, что Ведьма заглядывала. Но, она была аккуратисткой и такого себе не позволила бы. Машинально закрыл дверь и увидел записку: «НЕ СПИ С ОТКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ – ПРОСТУДИШЬСЯ». Тошнота, наконец, прорвалась.

Он едва добежал до унитаза. Потом, обливаясь потом и шатаясь, встал под душ. Когда от холода свело скулы, вышел и жестко растерся. Все это время он не позволял себе ни о чем думать. Прошел на кухню. Сделал, вопреки обыкновению, не чай, а кофе, включил музыку и с чашкой в руке начал обход своей двухярусной квартиры. Пропали деньги – 5 тысяч долларов, которые ему все было лень отнести в банк. Пропал потрясающий комплект – бриллианты с изумрудом, сделанный его другом-ювелиром (когда-то, на заре отношений с Адой, Артём заказал это для нее, потом они рассорились, а когда помирились, отношения не располагали для подарков такого рода). Пропала вся его супер техника – лаптоп, профессиональный фотоаппарат, видеокамера, диски – все это он привозил из Европы. Остался только старый комп, который он использовал как пишущую машинку – исключительно, когда шлепал статьи.

Артём перестал искать, стало скучно и зло. Он понял, что сам оставил дверь открытой, когда пришел пьяным. Допив кофе, аккуратно вымыл чашку – новое качество, и пошел к двери. Снял записку, вернулся к столу, положил ее перед собой и уставился в буквы. Через какое-то время на месте букв стало проступать изображение. Он увидел двух парней, с опаской входящих в квартиру. Один нашарил выключатель и щелкнул им. Артём увидел, как изменилось выражение их лиц – из овечьих стало завистливым. Они подошли к нему, убедились, что он пьян в дупель и начали шмон. Волна зло-

сти, захлестнувшая Артёма, смазала картинку, но лица мерзавцев он отлично запомнил.

Артем набрал номер Котика и, ничего не объясняя, попросил зайти. Уселся в кресло-качалку и стал ждать. Котик пришел через полчаса. С водкой. Артём разлил по-русски, в граненные стаканы. Котик молчал. Артём начал говорить. Завершив рассказ, он взял лист бумаги и нарисовал портреты обоих мерзавцев. Котик посмотрел, кивнул и убрал листочки в кейс.

– Больше ничего не хочешь сказать? – индифферентно спросил он. Артём пожал плечами. – Тогда, посмотри в зеркало, – с той же интонацией предложил Котик. Артём был ему благодарен за то, что Котик не стал дожидаться результата смотрин, да и вообще, больше ничего не сказал, просто встал и ушел.

Позвонил он через три дня. Все это время Артём не выходил из дому. Он принял лошадиную дозу снотворного и вырубился. Когда просыпался, опять принимал таблетки и засыпал. Окончательно его разбудил звонок Котика, предложившего вечером встретиться. Артём поплелся в ванную, дав зарок не смотреть в зеркало. Встал под душ. Чесалось. Он раздвинул ноги, увидел сыпь и вспомнил проститутку, снятую на улице в ту распроклятую ночь. Удивился отсутствию в себе злости на нее – он не сомневался, что конкретная эта шлюшка была ни при чем. Как, впрочем, и те двое воришек. Все они были всего лишь «засланцами» – испол-

нителями Воли. Он так и подумал – с заглавной буквы. Это были мессиджи. О чем? Ему надо было понять. Как и свои сны. Но, сначала следовало избавиться от заразы. Он позвонил однокласснику, ныне процветающему венерологу и договорился о встрече.

Осмотрев его, приятель сказал, что – это банально и что-то выписал на бланке, бормоча при этом: «Братан, тебе уж не пристало снимать девок на трассе. Вот тебе номера – если приспичит, звони туда. Сервис на уровне, за здоровьем девочек я сам приглядываю»

– Я думал, ты рецепт выписываешь, – сказал Артём.

– Само собой, – кивнул врач, – я и выписывал рецепт. А это – их визитка. Возьми. Возьми- возьми. Не понадобится – не помешает.

Выйдя от него, Артём заехал в аптеку. Стараясь не покраснеть, протянул рецепт молоденькой провизорше, получил свои лекарства и отправился в «Поплавок» на встречу с Котиком. До встречи оставалось минут 10. Артём заказал пиво, и слегка прикрыл глаза, подставив лицо осеннему солнцу. Через 7 минут он получил месидж с неизвестного номера: «Грузите апельсины бочками. База примет». Это было из детства, когда они с Котиком сперва были два друга до гроба, потом, когда появилась Алка – враги до гробовой доски. Известная фраза из любимой книги служила паролем – где предстояло встретиться. – Что же случилось, – подумал Артём, – если Котик прислал такую «шифровку»?

И о какой базе идет речь? И, вообще, в этой новой действительности разве сохранилось такое понятие – база? Где в этом городе может быть овощная база? Или другая? Пискнул мобильник. Сообщение – интернет-адрес – было с неизвестного, но уже другого номера. Артём просигналил официанту – счет. Не дожидаясь, положил деньги под пепельницу, спросил у бармена дорогу в туалет и тихо – на всякий случай – слинял. Он не стал садиться в свою машину. Прошелся садиком и вышел на Проспект. Нашел неприметное интернет кафе в одном из боковых ответвлений. Зашел, выбрал место поудобней и набрал адрес. Чат назывался «База данных». Артём зашел: «Привет! Тема ищет кота». Чат принадлежал продвинутым интерманам – так Артём называл интернетных маньяков, точнее, фанатов. В бреде, последовавших ответов – что это за вирус «Кот» и о какой теме идет речь, Артём нашел нужный: «Коты лазят по крышам». Дальнейший бред он не стал читать. Отстучал: «Самый мощный вирус – 0,5 алка» и вышел. Он знал, что Котик понял, что он понял – речь о крыше дома напротив алкиного, куда он доберется через 0,5 часа.

Котик его ждал, сидя на том самом месте у края крыши, где они в детстве воспитывали в себе смелость. В сентиментальные воспоминания ударяться не стали. Котик достал бутылку водки и стаканы. С ударением на «ы». Нет, все-таки, он «сентиментальнулся»: «По законам жанра, – буркнул он, – я должен бы получить удовольствие, что, наконец, могу

за все тебе отомстить. Причем, имея на то все основания».

– Сличил отпечатки пальцев? – безразлично спросил Артём, выстрелив окурок вниз. Котик пожал плечами, что верно означало – какая мелочь, и сказал: «Мы нашли твое имущество и... парней... точнее, их трупы. Кстати, шлюшку, с которой ты переспал, переехала машина». Он не смотрел на Артёма и он был прекрасной мишенью. Артёму стоило сделать одно движение, и Котик покатился бы с крыши. Артём подумал, что это профессиональная проверка на вшивость, но на всякий случай отошел подальше. Он не стал задавать идиотских вопросов, типа, причем тут я? Ему все было ясно, а играть с Котиком не хотелось.

– Почему ты мне помогаешь? – спросил он.

– Мы дрались из-за одной девчонки, – напомнил Котик. Это был кодекс чести. Котик ему следовал, хотя профессионально не имел права. Артём закурил и начал рассказывать. Когда он кончил, оказалось, что Котик выхлебал пол бутyli.

– Ну? – наконец, отреагировал он.

– Нет, сказал Артём, – к убийствам я не имею отношения... прямого.

– То есть,... когда тыходишь в образ, то тогда...

– Нет, – покачал головой Артём, – не думаю. Иначе как-нибудь мне бы об этом дали знать.

– Кто?

– Не знаю. Меня больше занимает – что?! Что они хотят? Они загоняют меня в угол, при этом, убеждая не бояться.

Никакой логики.

– Надо перевернуть.

– Что? – не понял Артём

– Логику, – сказал Котик. Он тщательно собрал все следы их пребывания на крыше и сказал: «Конечно, смешно с ТАКИМИ действовать по схеме, но... У тебя есть, где ночевать? Не у Ады. Хорошо. Машину оставь, где стоит. Встретаться будем на «Базе» – если там, куда идешь, есть Интернет, отправь мне письмо. Он продиктовал свой электронный адрес, и, не прощаясь, пошел к выходу. Минут через 10 Артём последовал за ним.

Но совету Котика он не последовал. Артём не сомневался, что его никак не свяжут с убийствами, потому что Котик ему поверил. Значит, ни со стороны законников, ни со стороны блатных его никто не будет беспокоить. Остаются ТЕ. А от Тех не скрыться – они всегда и везде найдут – им ведь не «тело» нужно, а мозг. Значит, никакой нужды для конспирации – физической – нет. А мысли... тут, пожалуй, стоит послушаться Котика и общаться через сеть с разных адресов. Вдруг сработает. Придя к такому заключению, Артём отправился к «Поплавку» за своей машиной.

– Странная вещь – мужская дружба, – думал он, – такая мощная, что пробить ее может только... женщина. И тогда – смертельное соперничество и... без подлости. Интересно, если честно, я смог бы как Котик, отбросить прошлое и постараться помочь?

Зазвонил мобильный. Котик сказал, что придержит его вещи, пока... Но Артём перебил:

«А можно мне их взять?». Котик не стал выдерживать паузу, просто сказал иметь при себе паспорт – надо будет заполнить бумаги.

Когда с формальностями было покончено, Котик протянул ему новую трубку: «Только для связи со мной. Ни в коем случае не звони на мою мобилу. Только на этот номер».

Дома, расставив привезенное по местам и слегка разобравшись с беспорядком, он позвонил отцу в Швейцарию и спросил, может ли приехать на пару дней?

Через три дня, в течение которых, все – включая сон, было тихо и размеренно, он вылетел в Париж, откуда собирался в Женеву. Послал Котику месидж – «3», что означало, что тот должен зайти на «Базу». Из интернет-кафе отправил туда сообщение: «Праздник, который всегда с тобой». Котик поймет.

*****

Лет пять назад он перестал с иронией спрашивать у отца: «Новенькая?», потому что научился безошибочно чувствовать это. Отец менял парфюм и занавески. Артём как-то попытался понять, почему он делал это и почему делал именно это, но потом оставил. Оставил и попытку классифицировать пассий отца. Их ряд не был поиском определенного ти-

пажа, тем более, сходного с матерью Артёма или напротив – контрастного.

Если бы они были абсолютно разные, это тоже было бы понятно, но и это было не так.

Вот и сейчас в аэропорту, как только он обнял отца, понял – его ждет встреча с новенькой. Отец выглядел всего лет на пять старше сына – он следил за собой, как актриса, с той, правда, удивительной разницей, что абсолютно не скрывал этого. Отец утверждал, что убрать морщины имеет равно такое же значение, как убрать испорченный зуб. А откорректировать нос или губы эквивалентно коррекции любого другого органа – сердца, печени и прочее. Поскольку делал он это открыто, в гомосексуальных наклонностях замечен не был, к тому же был блестящим, на грани гениальности астрофизиком, то его оставили в покое. А «чужачество» его со временем отнесли к категории гениальных.

В машине, по дороге на виллу отца, еще раз думая обо всем этом, Артём вдруг понял, что «чужачество» проявилось после «аннигиляции». Именно так когда-то отец обозначил поведение своей жены, ее уход в себя. Как только Артём понял это, он резко, почти грубо прервал «гуманитарный» – ни о чем – монолог отца: «Пап, надо общнуться. Давай сразу к тебе». Отец только кивнул, словно был готов к этому: «Ясно. Я видел сон».

Какого черта он это сказал?! Дальше ехали молча. Причем, на виллу. Она была пуста, но той пустотой, которая

говорит: «Все готово, добро пожаловать, не будем вам мешать». Они оба не были голодны, и пока Артём принимал душ, отец сервировал столик на террасе. Сервировка была странной – никаких заморских деликатесов, только то, что привез Артём. А привозил он всегда только тутовку, коньяк, бастурму и чараз. Артём понял, что слова отца – я видел сон, не были пустыми, видимо, что-то его задело, и к чему-то он был готов.

– Спрашивай, – сказал он, когда они опрокинули по стопке тутовки.

– Рассказывай, – так же односложно ответил Артём. Отец набил трубку, задрал ноги на перила и начал: «Она ушла в себя, как только ты поправился. Сразу. Будто ждала этого, будто это был сигнал. Впрочем, нет, сперва договорилась со своей сестрой Нелькой, чтобы отправить тебя к ней, в Москву. Как только ты уехал, попросила отвезти ее на дачу. Когда я в субботу приехал к ней туда, она уже «аннигилировала». Это было жутко – она днями пребывала в полной прострации. Ни в Ереване, ни в Москве ничего сделать не смогли и я отвез ее в Грецию, к ее родне. В советское время это было почитай не возможно, но я все провернул через Академию. Фактически, это был шантаж – сказал, что, если не помогут, перееду в Москву. Я работал над темой, которая тянула на нобелевскую и, конечно, Ереван не хотел меня отпускать. Вот так я и «выбил» Грецию.

Анну показывали лучшим врачам в Европе и в Амери-

ке – благо, ее родня очень состоятельна, а она – единственная дочь единственной сестры пятерых братьев. Мальчиков – ее дядей – во время геноцида разбросало по миру. Сестра, то есть, твоя прабабушка, попала в Россию. Там же вышла замуж за армянина и после установления советской власти, переехала в Ереван, где родилась и мама Анны, и сама Анна. Пока я занимался Анной, мне, честно говоря, было не до тебя. К тому же я знал, что Нелька тебя обожает, и у тебя все будет ОК. А когда стало ясно, что с Анной... что Анна останется в Афинах, в клинике, я вернулся в Москву, за тобой...

Мне тебя не отдали. Нелька показала письмо, в котором Анна просила ее не отдавать тебя мне. А мне советовала вообще забыть о тебе, о ней и снова жениться. И еще... Она писала, что понимает, что я «встану на рога» и буду бороться за сына, считая ее поступки бредом сумасшедшей. Но, если она мне что-нибудь попытается объяснить, то я уж совсем точно сочту ее идиоткой. Поэтому она просит, чтобы мальчик несколько лет пожил у Нельки, а потом «жизнь изменится так резко, что ты поймешь, как хорошо, что Артём не в Ереване. А когда переедешь за границу, тогда он сам тебя найдет». Конечно, я все это посчитал за бред, решив, что она ударилась в ясновиденье. Но, подумал, что глухая борьба ни к чему не приведет. К тому же я был на грани нервного срыва, да и тебе после болезни, действительно, лучше было бы пожить с теткой, души в тебе не чаявшей, чем с отцом, которого интересовали только черные дыры и сумасше-

ствие его жены. Я даже думал, что это мне наказание, ведь я настолько был поглощен работой, что все жизненные неурядицы воспринимал, как локальные явления, которые можно решить, если относиться к ним не истерично, как большинство людей, а рационально. Именно так я отнесся и к твоей болезни, и к ее. Вот... черная дыра ее и поглотила. Может, Анна сама отдалась ей, чтобы спасти тебя, думал я, чтобы объяснить себе, почему оставляю тебя в Москве.

Потом Союз распался. Она была права, когда писала, что «жизнь изменится так резко, что ты поймешь, как хорошо, что Артём не в Ереване». Девяностые годы были в Армении страшными – землетрясение, война, блокада, массовая эмиграция. Коллеги из Испании пригласили меня, и я уехал по контракту. Черными дырами заниматься не стал, хотя пригласили меня из-за этой работы. Я сказал, что есть тема, необходимая, чтобы подойти к дырам основательно, Убедил. Впрочем, тебя не это волнует».

– Волнует, – сказал Артём, – это ведь все взаимосвязано. А... что было со мной? Что за болезнь?

– Ты, действительно, ничего не помнишь? – спросил отец и вздохнул: «Тогда ничем не могу тебе помочь. В тот день, когда я вернулся с работы, ты уже был в больнице... Ты, правда, ничего не помнишь? – переспросил он и сам же ответил, – хотя, у тебя был жар, бред, ты пролежал месяц, почти не приходя в сознание. А потом резко пошел на поправку. Вот, собственно, и все.

Артём чувствовал, что это далеко не все, но не сомневался, что больше ничего не вытянет.

– Здесь ведь очень сильная школа психоанализа, – сказал он, почему-то злорадно отметив, что отец покраснел.

– Ты совершенно здоров, – пробурчал отец.

– Значит, ты проверял, – констатировал Артём.

– Я же сказал, что мы все перепробовали.

– Ты говорил это о маме.

– Ты абсолютно здоров, – повторил отец, и было похоже, что он убеждает не столько Артёма, сколько себя.

– Тогда в чем дело? – пожал плечами Артём.

– Да, в чем дело? – перехватил инициативу отец.

– Сны, – жестко бросил Артём и посмотрел на отца. Ему был виден только профиль, потому что оба они сидели лицом к озеру. Отец сглотнул слюну и спросил:

– Вещие? О чем?

– Не знаю. О том, чтобы убить еврея.

Он увидел, как у отца в прямом смысле отвисла челюсть, и голова медленно повернулась к нему. Еще он отметил, что первый раз произнес проклятую фразу вслух.

– Почему еврея? – медленно спросил отец. И Артём, совершенно неожиданно для себя, ответил фразой из старого анекдота, точнее, ее перевернутой версией: «Ну не велосипедиста же». На удивление, до отца смысл дошел почти со скоростью света – видимо у обоих мыслительный процесс работал на пределе. Через минуту они уже ржали, как два

сорванца – сработал защитный рефлекс. Оставшуюся часть вечера они провели за милой беседой, словно договорились не возвращаться к проклятой теме.

Потом отправились в милый ресторанчик, где их ждала очередная пассия отца. В отличие от предыдущей, которой было лет двадцать, белокурые волосы, язвительный ум, бездна очарования и потрясающий вкус, новенькая была мулаткой. Менее существенные отличия предстояло еще узнать. Звали ее Ленон – в честь Джона, на котором были помешаны ее родители.

– Ты зовешь ее Леной? – спросил Артур. – Нет, ответил отец, – Ленин.

– У каждого свои помешательства, – констатировала мулатка. – А как вы будете меня называть?

– А как бы вам хотелось?

– Рамштайн, – сказала она.

– Ладно, – сказал Артур, – буду называть вас Леной.

– Не любите тяжелый рок?

– Не люблю ничего тяжелого.

– А как выносите Гэрри?

– Отца? Мы давно и далеко.

– А...А чем вы занимаетесь?

– Ничем. Настолько ничем, что отцу нечем похвастать.

– Фигня, сказал отец, – я горжусь тобой. Ты не окончил четыре института. Ни у кого из моих знакомых нет таких детей.

– У вас бесплатное образование, – ехидно заметила Ле-
нон.

– Ты отстала от жизни. У нас давно его нет, – хмыкнул
отец. – Ну что, за знакомство?

*****

«Запомни. Это очень просто. Запомни и повтори. И тогда тебе откроется истина. Запомни!». Артём повторил. Набор звуков этого единственного слова был совершенно неудобоворимым, запомнить оказалось очень трудно. Но он запомнил. Он так старался, что проснулся. Проснулся и понял, что повторяет это слово. Добежал до туалета, бесконечно повторяя его, а когда лег и закрыл глаза, с ужасом понял, что не хочет запоминать. Не хочет и все. Он погрузился в сон, заставляя себя забыть, забыть, забыть! Он увидел салатовых человечков и услышал, как один из них, как в первом сне вздохнул: «Боится!».

Артём понял, что они не оставят его в покое и начал сопротивляться. Но они не стали ничего делать, просто растворились, а он все продолжал сопротивляться. Когда ему показалось, что он наконец проснулся, стало еще хуже – из темноты на него смотрели два глаза. Артём заорал и ткнул в фосфоресцирующие глаза. В ответ он услышал крик боли, понял, что попал и бросился на противника. Но тот извернулся, и резкий свет ударил Артёму в глаза. Он зажмурился, а когда

открыл глаза, увидел Ленон.

– Ты что, идиот? – прошипела она, потирая покрасневшие глаза, – зачем ты ткнул меня в глаза?

– А где отец? – тупо спросил Артём.

– Ради Бога, – сказала Ленон, – я не собиралась тебя насиловать. Просто ты так орал, что наверху было слышно. А Гарри спит. Он принимает снотворное. Так что ты видел?

– Ерунда!

– Как знаешь. Дать снотворного?

– Давай.

*****

Следующая ночь почти повторила предыдущую, разве что, поменялся второй персонаж сцены. Когда Артём вскочил, автоматически включив свет, рядом сидел отец и хмуро смотрел на него: «Так говоришь, все нормально?» – Я забыл принять снотворное, – сказал Артём.

– Когда у меня оно кончается, я не ору во сне, – парировал отец. – Завтра пойдем к психиатру. Хочешь таблетки? Сейчас принесу.

Отец принес таблетки, воду и, пожелав спокойной ночи, вышел. Артём лег, взял детектив и, переворачивая страницы, думал о том, что сны стали другими. Не агрессивными. И персонажи сменились. Правда, они опять чего-то от него хотят. Он постарался вспомнить слово, которое несколько

дней, точнее, ночей пытались вколотить в него салатовые человечки, но, к счастью, не вспомнил. Этого его успокоило. Он принял снотворное. Уже погружаясь в сон, Артём успел мысленно поблагодарить человечков, хотя не успел понять за что.

*****

Вычленив из всего, что наговорил аналитик то, что представляло интерес и, сопоставив с обеими диктофонными записями, Артём понял, что в детстве кто-то поставил жесткий блок в его сознании. Период с девяти до десяти лет оказался заперт. Профессор Ларсен, как ни старался, не смог разблокировать этот узел. Он сказал об этом Гарри, но тот увернулся от ответа, акцентируя на том, что вряд ли этот кусок запертого сознания имеет значение. Артёма привели из-за кошмарных снов, которые появились всего пару месяцев назад и вряд ли это связано с детством. Они пустились в блиц дискуссию, в которой один упирал на свой профессионализм, второй – на свою логику. Профессор заявил, что неэтично скрывать от пациента правду, отец, что – он лучше знает, что надо его МАЛЬЧИКУ! И раз так, то уж лучше пить снотворное, чем ко всем бедам в придачу, выпустить из бутылки еще одного джина. Судя по их диалогу, они были давнишними друзьями, поэтому не рассорились, а решили подумать. Артёму эти конспираторы сказали, что все идет

нормально, просто надо продолжить курс.

Еще раз все хорошенько обдумав, Артём принял решение. Он попросил Ленон на эту ночь отдать отца в его распоряжение. Она поняла и сказала, что заночует у сестры. Отец пришел поздно, но сияющий. Сказал, что-то про близость к открытию и, что это надо отметить. Артём попросил не идти никуда, тем более, Ленон предупредила, что останется у сестры. Они опять устроились на террасе. Отец рассказывал увлеченно и интересно, но как только он произнес что-то про черную дыру, Артём вклинился: «Знаешь, я думал, что у меня в сознании черная дыра, а там оказывается, запертый чулан. Похоже, придется искать взломщика посерьезней твоего профессора». Он почти на волновом уровне уловил 3 невысказанные реакции отца: «Откуда ты знаешь? Козел со своей профессиональной этикой! Фак, фак, фак!». С последней частью Артём был совершенно согласен, но решил быть если и не жестким, то до конца последовательным. Поэтому он не стал помогать отцу, просто ждал.

– Ладно, – хмуро изрек тот, – наверное, ты имеешь право на правду. И, может, старый козел прав, все корни в детстве. Но, у меня два условия. Первое – ты продолжаешь сеансы – хотя бы спать будешь. Второе – если твоя реакция на мой рассказ будет неадекватной, ты кончишь свои дни в лечебнице. Прости за жесткость. Обратного хода уже нет. Так вот, Анну несколько лет мучила ужасная мигрень, ничего не помогало. Мне посоветовали обратиться к одному экстрасенсу.

Сеансы проходили у нас дома. Однажды ты пришел с уроков рано, зашел к ней и увидел «голую» маму и склонившегося над ней мужчину. Он проводил какой-то лечебный супер массаж. Но, судя по твоей реакции, ты все воспринял иначе. Пубертатный период, знаешь ли... Твоя ревность усугублялась тем, что почти год Анна была какой-то отстраненной и, ты привыкший к ее любви, остро на это реагировал.

В общем, ты бросился на экстрасенса...

– Я... убил его?

– С чего ты взял? Нет, правда, ты орал, что убьешь его, но это понятно. Слава Богу, обошлось. Хотя, как тебе удалось шмякнуть его об стену, никто не понял. От удара он потерял сознание. Наверное, ты решил, что убил его, поэтому твоя реакция была катастрофичной. Ты потерял связь с реальность и температура просто зашкаливала. А потом ты вдруг пошел на поправку и как будто обо всем забыл. Я был так счастлив, что поверил словам Анны, будто родственники из-за границы прислали какие-то чудо препараты. А потом начался кризис у Анны. Я только сейчас, после визита к Густаву, все понял. Или думаю, что понял. Наверное, Анна обратилась к очередному экстрасенсу, но обладающему способностями к гипнозу. Он и поставил блок. Клянусь, до сегодняшнего дня я ничего об этом не знал. Когда она убедилась, что с тобой все в порядке, у нее, видимо обострился комплекс вины перед тобой. Она, наверное, внушила себе, что мало того, что из-за болезни перестала уделять тебе вни-

мание, так еще из-за нее же, из-за сцены с ее врачом, ты чуть не сошел с ума. Вот и аннигилировала. Вот так. Так что, ты никого не убивал, тот врач живет сейчас в Америке. Кстати, нормальный мужик, все тогда понял и правильно среагировал. Анна... скорее всего, что-нибудь другое привело бы ее к такому же результату. Потом уже, показывая ее различным врачам и отвечая на их бесчисленные вопросы, я понял, что все к этому и шло. Мигрень была началом. Так что, тебе не в чем себя винить. Я рассказал все, о чем знаю и то, к чему пришел анализом. Конечно, ты можешь найти «хакера», который взломает твоё сознание, но информационно не получишь ничего нового, а эмоциональный шок может быть сильным. Впрочем, решать тебе.

Артём чувствовал, что отец искренен. Почему-то он понимал, что сейчас не стоит лезть в прошлое.

– Ты часто бываешь у мамы? – спросил он.

– Нет, это бессмысленно, – вздохнул отец. Ее состояние абсолютно неизменно. Если что-то изменится, мне сообщат.

– Если провести аналогию между мозгом и вселенной, там есть черные дыры, галактики, спутники, квазары, сверхновые? – неожиданно спросил Артём.

– Интересно, – вздернул бровь отец, – я думал только о дырах.

Они просидели почти до утра, увлеченно создавая «теорию психовселенной».

*****

Он проснулся от легкого ветерка. Еще не открыв глаза, понял, что находится в незнакомом месте. Прислушался к себе – неприятных ощущений не было, энергетика места была положительной. Тем не менее, он продолжал имитацию сна, подумав, что ощущение может быть ложным. Кстати, еще не факт, что это не сон, в котором он проснулся.

– Это не сон, – услышал он и непроизвольно вздрогнул. – Вам ничего не угрожает, – продолжил голос, – вы можете встать. Если хотите.

– А чего хотите вы? – спросил Артём, не меняя позы.

– Поговорить.

– Какого вы цвета? – спросил Артём.

– Белого, – потому, что ответ прозвучал с неуловимой заминкой, он понял, что его собеседник все-таки испытал замешательство.

– А остальные?

– Зеленых среди нас нет, – в голосе собеседника прозвучала ирония.

– Слушаю вас, – сказал Артём.

– Вы видите сны, – без всякой преамбулы констатировал голос.

– Я не Портос, – сказал Артём. Была ли собеседнику знакома классика жанра, осталось непонятным, он просто спро-

сил:

– Вы приняли решение?

– У вас есть право на допрос? – поинтересовался Артём.

– Все слишком серьезно, не стоит ерничать.

– Кто вы?

Вспыхнул свет. Кровать, на которой лежал Артём, отделил от стола, за которым сидели трое, узкий, длинный бассейн, больше похожий на ров. Артём почему-то не сомневался, что на всех троих были эластичные маски, создающие иллюзию настоящих лиц, но в реальности, скрывающие их. Артём сел – оставаться лежать было на грани вызова. Самый молодой из троих сказал: «Цивилизация на грани катастрофы. Времени почти не осталось».

– Ясно, – вздохнул Артём, – судя по такому ответу на мой вопрос, вы – «911!».

– Можно и так, – согласился тот. Или у парня не было чувства юмора, или он решил, что не время.

– Ну, и что вы хотите от меня?

– Вы – часть нашей цивилизации.

– И?

– Вы не должны соглашаться на их предложение.

– Какое?

– Вы знаете.

– А вы?

– Разумеется.

– А что предлагаете вы?

– Он не готов, – вмешался по виду самый взрослый.

– Но...

– Он не готов, – жестко повторил взрослый.

Артём проснулся. Голова болела. Он лежал, думая, как ему все это осточертело. Ему осточертело то, что кто-то пытается его вербовать во сне, а кто-то в состоянии, которое то ли сон, то ли явь, причем грань стирается сознательно. Он не мог разобраться работали ли с ним одни и те же силы, но в разном антураже, чтобы определиться, какая форма действенна в его случае, или они были разные и даже – противоборствующие. А самое главное, ему было гнусно, что он не может понять, что с ним происходит. Это и было главным – понять, кто выходит на него, чтобы разобраться, чего они хотят. А потом уже определиться с кем он сам.

Мешало одно – он не был готов ни к одному из вариантов. Не в силу незнания их, а на каком-то глубинном подсознательном уровне, отвечающем за инстинкт самосохранения – будь то физический или психологический. На этом уровне его страх – совершенно непонятный сознанию – был естественным. Разобраться во всей этой чехарде самому, было невозможно. Как минимум, следовало спуститься на нижние уровни подсознания, но тут включался страх уровня сознания. Это был замкнутый круг. Единственной возможностью что-то понять было перестать принимать снотворное и ждать общения во сне. Но, и к этому он не был готов. Решение пришло очень неожиданно – надо загрузить себя работой.

Причем, такой, чтобы полчаса сна казались счастьем. Горячие точки! Командировка в горячие точки. Конечно! Как он не подумал! Югославия!

*****

«Корочки» швейцарской газеты давали огромное преимущество – традиционный нейтралитет. Это для работы. Но для Артёма все обернулось еще одной дилеммой. В девяностые годы Карабах начал борьбу за независимость. Как армянин, Артём понимал и хорватов и албанцев воюющих за свой суверенитет. Как христианин, он был в ужасе от того, что творили с Сербией. Правомочные или нет, он проводил аналогии с тем, как в начале 19 века Турция разделалась с Арменией. Он шел дальше, вспоминая, что делали мусульмане с Болгарией, Грецией, Византией. Он понимал, что передергивает, что только одна треть вины лежит на завоевателях. Вторая треть – позиция христианского мира – Запад всегда преследовал сиюминутные интересы. И последняя треть вины целиком лежит на плечах государства-жертвы, неспособного представить миру свою проблему не как свою, а как общечеловеческую. Прежде всего, потому, что и внутри нее были свои противоречия, свои группы, преследующие свои интересы. История Византии не стала уроком истории ни для кого. Все это Артём прекрасно понимал, но ничего не мог поделать с собой – он однозначно

был на стороне раздираемой на куски Сербии. Только журналистская этика не позволяла ему взять в руки оружие. А этика врача – хоть он так и не окончил медицинский – не позволяла не оказывать первую помощь хорватам, если он оказывался «по ту сторону баррикад».

Но однажды он все-таки сорвался. Он остановил... наступление! Очень просто – просто развернул танки. Никто ничего не понял. Но, когда прошло первое оцепенение и стали собирать раненных, почти истерично обсуждая, как же все это случилось, Артём начал понимать. Словно со стороны он увидел прущие танки хорватов, ужас и отчаяние на лицах сербов, услышал их крутую матерщину вперемешку с обращениями к Богу и почувствовал, как с него самого катится пот. Реки пота. Мирчо, попросивший его перевязать раненых, остолбенел – Артём, словно похудел на 10 килограммов. Его трясло. Мирчо списал это на банальный страх и хлопнул его по плечу: «Ничего, братка, все наложили в штаны. А теперь вставай, там из Радована кровь хлещет».

Потом был костер, водка, снова и снова вольные пересказы случившегося и полная уверенность в чуде Господнем. Ничем иным объяснить поведение противника было не возможно.

В эту ночь Артём не спал. Точнее, когда все, наконец, улеглись, он был уверен, что провалится в сон и будет спать, даже если начнется наступление. Но через три минуты – посмотреть на часы до и после сна стало привычкой – проснуль-

ся. Салатовые человечки смотрели на него с нескрываемой грустью. Нет, скорее, в их взгляде была обреченность и тоска, словно эксперимент, с которым они связывали последнюю надежду, потерпел полное фиаско.

– Я не боюсь, – сказал Артём, – вы же видели. Но человечки грустно покачали головами и распылились. Не исчезли, как в прошлый раз, а именно распылились. Артём почувствовал злость – на них, потому что вместо того чтобы похвалить его за сегодняшнее, они впали в депрессию, на себя, потому что чувствовал себя виноватым перед ними. Злость удваивалась оттого, что обе ее составляющие были иррациональными. Словно все остальное было рациональным. Артём понял, что здесь его время кончилось.

Утром он улетел.

*****

В Женеве, в командировавшую его газету он дал материал, который от него ждали, а тот, что написал «для себя», отправил в Москву. Через какое-то время русские танки совершили свой головокружительный въезд в Югославию. Было много шума и много надежд. Но пусть и последней, надежда все-таки умерла.

Артём «снял» одну из студенток отца и три ночи не вылезал из номера отеля, снятого именно по этому случаю.

Вернувшись на четвертый день, он, на отцовское: «Ну,

как?», ухмыльнулся: «Интеллектуальный секс – это нечто. Она как... взрыв сверхновой». Отец хмыкнул в ответ: «Ничто человеческое науке не чуждо».

Ночью, когда они беседовали на террасе, Артём сказал, что едет в Палестину.

– Может, отдохнешь? – Спросил отец.

– Материал заказали. Пока прет, надо переть.

– Поезжай хотя бы сперва в Египет, проникнись вечно-стью у пирамид, потом возвращайся в бренное.

Артём понял, что отец читал оба его материала и озабочен состоянием его души. Но главное было в другом – при слове «пирамиды» у Артёма зашевелились волосы. Причем, ни на голове, и ни на какой другой части тела, а будто внутри него. Пирамиды. Эхнатон. Как он не подумал об этом! – Да, сказал он, – ты прав. Пожалуй, стоит начать с пирамид.

Отец, казалось, был обескуражен его согласием. Артём рассмеялся: «Ну, что ты? Отцы и дети – это ведь не только борьба, но и единство противоположностей».

Утром он улетел в Египет.

*****

Это был его Дом, его Родина, его Место. Жара и песок, причинявшие столько неудобств остальным членам экспедиции, для него были живительными. Под различными предложениями он старался остаться один, чтобы распиравшее его

счастье не было так очевидно – оно было иррационально и могло вызвать нездоровое удивление. Он спал как младенец, он ел, как идущий на поправку тяжелобольной. Он любил все и всех, даже скорпионов. Они отвечали ему взаимностью. Однажды он увидел скарабея и едва удержался, чтобы не бухнуться перед ним на колени.

Это состояние почти блаженного идиотизма не могло продолжаться долго. Когда он понял, что потерялся в лабиринте, вопреки рациональному ужасу, испытал иррациональное успокоение. Он понял, что «период адаптации» завершен, и сейчас что-то начнется. Он решил не оттягивать это и вместо того, чтобы продолжить бесплодные поиски, лег и уснул...

Царица смотрела на него с бесконечным сожалением и обреченностью. Будто не она была обречена на отлучение от него и от трона, а он. Ему это было непонятно, и потому раздражало. Он – фараон. Великий фараон. А она – всего лишь его жена, причем, отлученная жена. И что с того, что она – несравненная Нефертити?! Стоя здесь, в настоящем, она уже была прошлым.

– Как все относительно, – подумал Эхнатон, глядя на ту, что некогда заставляла его усилием воли не умирать от счастья. Вот, стоит она – прошлое в настоящем. А я – будущее в настоящем. Какое странное, это настоящее, в котором, сходятся бесконечно далекие прошлое и будущее. Его взгляд «ушел в другой мир», и Нефертити поняла, что проиграла.

Что ее шанс – его вопрос – исчез. Он так и не задал вопрос, которого она ждала. А нет вопроса, нет ответа. Только дураки позволяют отвечать на незаданный вопрос, которого ждут. Нефертити была умной. Очень умной. Она надеялась, что у нее есть еще один шанс – время. Время – извечный противник женщины, гораздо более жестокий к ней, чем к мужчине. Но, когда есть, что терять кроме красоты, лучше отдать именно ее в жертву неумолимому времени. Тогда остается шанс перейти в категорию «бесполого достоинства». Для красивой женщины это ужасно. Но, куда ужасней, сражаясь с молоденькими фаворитками, а, по сути – со временем – потерять возможность воздействовать на события, на мир. А ведь Египет – центр мира.

Нефертити шла по коридорам дворца. Слуги склонялись в поклоне. Все было как всегда. Но, она знала, что они знают. Ничего не изменилось по форме, изменилась сама форма. Нефертити больше не была единственно неподражаемо неповторимо уникальной возлюбленной женой фараона Эхнатона. Эхнатона, замыслившего пойти наперекор древним богам, провозгласившего единственным богом Аттона – воплощение солнца и построившего новую столицу. Он всегда поступал наперекор очевидному, в том числе, когда сделал ее – чужестранку незнатного происхождения не просто возлюбленной, а женой, причем, равноправной. Если бы не ее мудрость, красота и искренняя доброжелательность, ее бы давно отравили. Но ей хватило природ-

ной разумности не навязывать себя никому. Она демонстрировала, что ни ее заслуги, ни вины нет в том, что фараон избрал именно ее и так ее любит. Она демонстрировала, что считает эту любовь даром богов фараону за его заслуги. Когда же и в делах серьезных она осторожно стала проявлять свой ум, ее стали уважать. Ее красота была такой ослепительной, такой лучистой, что не любить ее было не возможно. Когда Эхнатон «ударился в ересь», возбудив к себе глухую ненависть, у нее было несколько вариантов – или остаться женщиной, не вникающей в дела, превосходящие женское разумение, или стать орудием в руках жрецов, или поддержать фараона. Она выбрала третье. Не потому, что естественным своим сознавала, что никогда не сможет предать его, а потому, что поняла его. Любовь, которой они предавались всякий раз, после интеллектуальных бесед, бывала страшной. Тело было замком, запирающим слияние ума и души. Они становились первородно единым целым. В первый раз после такого Эхнатон сказал: «Надо умереть. Сейчас. Выше этого не будет ничего. Зачем тогда продолжать жить?». Она никак не могла понять, почему он говорит об этом с каким-то ужасом, перечеркивающим восторженность его состояния, и только улыбалась своей мягкой улыбкой. И они опять предавались любви. Его внутренний разлад она поняла значительно позже – он готовил себя к великим свершениям. Она недоумевала, как в таком случае он может испытывать экстаз счастья, граничащий с желанием смерти – «потому что луч-

ше быть не может». Но такое было допустимо для обыкновенного человека, а не для него. Наверное, он мучился, решая задачу – оставаться просто счастливым человеком или стать обреченным на великие свершения?

В отличие от него, Нефертити, как только ей стала понятна природа двойственности его чувств, не сомневалась в его решении. Он – мужчина. Необыкновенный мужчина. А значит, выбор его был очевиден. Лучшее, что она могла сделать – не отравлять ему жизнь, стать ему другом. И она сумела это. Но было и другое. Она словно заразилась ядом, отравляющим его разум. Она, как и он, мечтала остаться в веках. Единственное, что давало такую возможность, была ее красота. Это было решение.

Барельефы с ее изображением, ее скульптурные портреты были прекрасны. Во время сеансов, она не капризничала, как большинство знати. Напротив, была терпелива и любезна с художниками. И они сумели передать не только ее внешнюю красоту, но и внутреннюю гармонию. Нефертити, после того, как увидела работу скульптора Тутмеса, не сомневалась, что это переживет века. Она поняла, что победила Время.

*****

Артём открыл глаза. В душе его царил покой, он абсолютно не сомневался, что найдет дорогу из лабиринта. Он

вспомнил, как в четыре года мама, помешанная на его эстетическом образовании, листала с ним страницы чудесного альбома «Лики красоты». Потом спросила: «Кто тебе понравился больше всех»? Он почти сразу нашел то, что искал: «Эта».

– Нефертити? А почему? – удивилась мама.

– Она настоящая принцесса, – прокартавил Артём.

Потом он не раз слышал, как мама, млея от счастья, рассказывала подругам: «Я была в шоке – он ткнул в Нефертити. Это же совсем не современный образ, даже девчонки проходят мимо. Как он почувствовал настоящую красоту? Надо же»!

Подружки умиленно кудахтали, соглашаясь с ней, и черт-те что думая при этом. И никто не знал, что как только маленький Артём увидел Нефертити, он понял, что это его жена.

Конечно, потом, когда появились прыщи, все это забылось. Куда актуальней были старшеклассницы и звезды Голливуда. И вот сейчас то детское чувство – это моя жена, вернулось. Оно и возбуждало и умиротворяло.

Когда Артём, наконец, увидел свою группу, он был готов к тому, что его разорвут на части, забрасывая вопросами – где был, почему потерялся, как мог оторваться от всех и так далее. Ничего подобного не было. Артём посмотрел на часы и все понял – прошло всего несколько минут реального времени.

На следующий день они отправились в Ахет-Атон, где когда-то мятежный Эхнатон возвел новую столицу. И опять Артём каким-то образом оказался один. Возле ничем не примечательного места он сел и закрыл глаза...

*****

Нефертити смотрела на фараона, и не видела в нем Эхнатона. И вовсе не в переменах возраста было дело – перед ней стоял человек, знающий, что проиграл, допускающий, что есть возможность все переиграть, но не сомневающийся, что должен довести поражение до конца. Ей не было жаль его, ей не было жаль любви, отданной ему, но в ней не было и злорадства из-за того, что ее преемнице не удалось сохранить огонь в глазах фараона. Вдруг он перевел взгляд на нее, и она прочла в нем: «Радуетесь?»

– Ты мне не враг, – бесконфликтно ответила она взглядом.

– Ты стала осторожной, как жрецы, – читалось в его улыбке.

– Не бойся, тебе это ничем не угрожает.

И Нефертити впервые за долгое время дала волю своему взгляду. Он все понял. Не сражаясь ни с кем, она всех победила. Включая Время. На мгновенье, всего только на мгновенье в его глазах промелькнуло восхищение, которое тот, прежний Эхнатон, никогда не скрывал, если видел нечто, достойное этого. Будь то в ней, в его друзьях или даже вра-

гах. Он надеялся, что она не успеет заметить. Она заметила. И фараон нахмурился. Он встал и вышел, так ничего и не сказав.

Больше они не виделись.

*****

Артём валялся в номере, шныркая по Интернету. Перелопатив всю информацию об Эхнатоне и Нефертити, он понял, что с учетом определенных расхождений в итоге можно получить среднее арифметическое:

– «Аменхетеп IV (Эхнатон) – сын Аменхетепа III, десятый фараон XVIII династии (1424—1388 гг. до н.э.), тронное имя Неферхепрура. Вступив на престол, Аменхетеп IV начал борьбу с фиванским жречеством, которое благодаря своим богатствам стало все активнее вмешиваться в политическую жизнь Египта. В этой борьбе молодой фараон опирался на поддержку жрецов Гелиополя и Мемфиса, где с давних времен процветал культ солнечного бога Ра-Горах-те. Аменхетеп IV объявил себя главным жрецом этого бога и возвел в его честь величественный храм в Фивах рядом с храмом Амона-Ра. Таким образом, было положено начало религиозной реформе. Деятельность Аменхетепа IV вызвала крайнее недовольство у фиванских жрецов; они про-

кляли фараона и даже угрожали ему расправой. Однако угрозы не остановили Аменхотепа IV, наоборот, он предпринял более решительные шаги. Так, им были отменены культы Амона-Ра и других богов. Единым божеством Египта Аменхотеп IV провозгласил Атона, который стал изображаться в виде солнечного диска с отходящими от него лучами-руками. Отныне Аменхотеп IV, а вслед за ним и подданные, стал именовать себя Эхнатон, что означало „Полезный для Атона“. На шестом году своего царствования Аменхотеп IV-Эхнатон покинул Фивы. В короткий срок он построил себе новую столицу в трехстах километрах к северу от Фив, которую назвал Ахет-Атон („Горизонт Атона“). Эхнатон был женат на Нефертити; от нее он имел двух дочерей. Эхнатон умер еще не старым. Возможно, его отравили. С его смертью было приостановлено проведение религиозной реформы».

– «В течение долгого времени египтологи предполагали, что по своему происхождению Нефертити не была египтянкой, хотя ее имя, переводящееся как „Пришедшая красавица“ исконно египетское. Однако сегодня известно, что ее родителями были египтяне. Вместе со своим супругом Нефертити правила Египтом около двадцати лет. Нефертити, одно из имен которой – Нефернеферуатон – означало „Прекрасны совершенства Солнечного диска“, играла важную роль в событиях сво-

его времени. Но счастье продолжалось недолго. На двенадцатом году правления Эхнатона и Нефертити скончалась принцесса Макетатон и это, по-видимому, стало переломным моментом в жизни Нефертити. У той, кого современники называли „красавицей, прекрасной в диадеме с двумя перьями, владычицей радости, полной восхвалений... преисполненной красотами“ появилась соперница. Нефертити оказалась в опале и провела остаток дней в одном из второстепенных дворцов столицы».

– Ладно, подытожил Артём, – египетский период можно считать завершённым. Монотеизм, Эхнатон, Моисей. Дальше – Иисус, а значит, Израиль. Черт, они и убили еврея! Куда уж больше! Плохо. Все плохо. Спорить с собой в таком деле, все равно, что играть в поддавки. Мне нужен Ватсон. Но, злой, никогда ни с чем не согласный. Такой ирландский или карабахский. Желательно женского рода.

Продолжая эту линию, он не заметил, как провалился в сон.

Аменхотеп ругался отборным матом. На древнеегипетском, который Артём почему-то не только понимал, но транслировал на русский. Получалось очень образно. Суть сводилась к тому, что он, Артём – козел, потому что не понял главного из «египетского периода». И пока не поймет, не поймет остального. И как тогда найдет потерянное?!

– Что, – спросил Артём, – что я должен найти? Еврея, ко-

того надо убить? Не буду! Лучше быть козлом.

– Похоже, так и есть, – вздохнул Эхнатон. Артём почувствовал, как в нем поднимается гнев. Не от слов фараона – на такое покупаются дети. Гнев на себя, что вообще позволил втянуть себя в этот сволочизм. За спиной Эхнатона появилась Нефертити. Она прижала палец к губам, что-то очертила в воздухе рукой, и Артём увидел пирамиду. Это была очень странная пирамида. Она была выложена не из каменных плит, а из листов золота. Вокруг было пусто и тихо какой-то космической пустотишиной. Ощущение одиночества и ничтожности своего «Я» было таким безнадежным, что сердце пронзительно молило о смерти. И вдруг раздался звук. Он был ни на что не похож, да и взяться ему было неоткуда. Единственным предметом кроме самого Артёма, была пирамида. И тут он понял, что звучало. Оказалось, что квадраты листов, из которых была выложена пирамида, вовсе не были цельными. Они были разрезаны по диагоналям, образуя по четыре треугольника. В точках пересечения диагоналей, скрепляя эти треугольники, находились какие-то темные кружочки, похожие на шляпки гвоздей. Вибрация треугольников и создавала звук. Когда прошел первый ужас и первое оцепенение, Артём стал вслушиваться и понял, что это не просто музыка. Точнее, это вовсе не музыка. Это что-то другое, сигнал, сообщение. Он напряг мозг и понял, что вполне способен запомнить, а потом и воспроизвести этот сигнал. Он практически запомнил его. Он мог его отбить, за-

писать и постараться расшифровать. Он проснулся, включил диктофон и вырубил его. – Это уже было, – подумал он, – по-другому, но было, когда человечки пытались заставить его выучит свою абракадабру.

И опять первобытный ужас обуял его. Он бросился в постель, выпил снотворное, повторяя как заклинание: «Забыть! Забыть! Забыть!»

*****

Артём помнил то удившее его чувство обретенной родины, которое он ощутил в Египте. В Иерусалиме было другое. Тревога. Беспричинная, подсознательная, глубинная тревога, не оставляющая его ни на секунду. Сказать, что Артём верил в переселение душ, было бы таким же преувеличением, как сказать, что он не верил в это. И вера, и мистика, и атеизм и нигилизм были равноудалены от его души и равноинтересны его разуму. Нахлынувшие на него события не только не приблизили его к вере или мистике, напротив, усилили «коэффициент сопротивления» – он органически не выносил давления. Даже, если был уверен, что это однозначно ему на пользу.

– Ладно, – решил он, – примем переселение душ как рабочую гипотезу. Допустим, что в меня вселился дух Эхнатона. Фак! Фак! Он, что лучшего места не нашел? Верь после этого в свободу воли! Ладно, поехали дальше. Фактически,

все, что написано об Эхнатоне, сводится к тому, что он провозгласил монотеизм. Его не поняли и, скорее всего, уничтожили. Ну, это как раз понятно – люди всегда новое принимают в штыки. Но, чего он, черт побери, хочет? От меня и воще? В принципе, он должен торжествовать – в конце концов, его идея победила. Чего ж он бесится? И причем тут евреи? Почему надо убить еврея и какого именно? Фак побери, это у них в Египте фараону стоило моргнуть и сметали не только одного неугодного, но целые народы. Хотя, конечно и сейчас... Ладно, это к делу не относится. А что относится? А, евреи! Но, врагами Эхнатона были вовсе не они, их, кажется, еще и не было. Ну, в смысле, занозы или угрозы... Ладно, не до деталей. Врагами Эхнатона были жрецы. Тогда какого лешего он хочет от евреев?

Вздыхнув, Артём снова полез в интернет. Вскоре что-то забрезжило. Он скачал «Моисей и монотеизм» Фрейда и погрузился в чтение. Залпом прочел, пошарил еще по интернету, налил водки, выпил и вышел из номера. Он шел по улицам Каира, заглядывал в лавки, покупал сувениры и думал. Он думал, что если допустить что Моисей был реинкарнацией Эхнатона, его последователем, родственником или еще черт-те как иначе связанным с ним, как полагают некоторые исследователи, то тогда тем более не понятно, почему надо убивать евреев. Ведь Моисей сделал то, что не сделал Эхнатон, и именно это обеспечило ему успех. Эхнатон понимал, что в таком устоявшемся обществе, как Египет, но-

вой теории или религии не осуществиться. Во всяком случае, за одну человеческую жизнь. Поэтому он собрал сподвижников и построил новый город. Но ведь он оставался владыкой Египта. Египтяне видели, сравнивали, недоумевали, возмущались. Благо на это работала целая армия мутитовиков-жрецов. Хотя, скорее, именно Эхнатон в глазах Египта выглядел мутитовиком.

Моисей не повторил эту ошибку. Он собрал народ, не имеющий ничего общего с Египтом и повел его в пустыню. Он сделал правильную ставку – на деклассированных. На тех, кто не имеет корней на почве своего бытия. Они теряли плен в обмен на гарантию лучшей жизни. Позднее, на этом будет строиться не одна революция. Кто ж устоит перед обещанием свободы, прав и прочих благ?! Впрочем, оторваться от привычного – только первый этап. Второй – принять новое, как гарантию лучшего. Третий – трансформировать новое в традицию... Пока не настанет черед очередного нового. Все правильно.

Конечно, Моисею было легче – он не был владыкой чего-либо, что, сопротивлялось бы новым начинаниям, как то делали жрецы в Египте наперекор Эхнатону. Но, безусловно, ему тоже нелегко пришлось – его народ тоже порой тянуло к прошлым «традиционным ценностям». И они то решали золотому тельцу поклоняться, то роптали, требуя «лук и чеснок Египта». Впрочем, и их можно понять – за годы скитаний худшее из времен египетского пленения забылось,

а новое поколение, так вообще считало это байкой. Но, Моисей выиграл время, которое мутиловщики упустили – народ успел так далеко уйти, что возвращаться было не лучшим решением. Да и как их встретят, после всего, что было связано с их исходом?

Но мудрый Моисей не просто так 40 лет водил свой народ по пустыне: «ветераны исхода» постепенно померли, а новая генерация знала лишь, что идет к лучшей жизни. Ну, в общем, план удался. Пожалуй, за исключением одного — лучшего. Впрочем, по сравнению с пленом, свобода и своя земля, все-таки, лучше. Хотя ясно, за что смерть принимать в случае чего.

А вот самому Моисею вход в новый мир был заказан. Почему? Может, чтобы не было искушения стать владыкой? Ведь власть все равно портит человека. А может, нужен был миф. Чистый миф о бескорыстном служении.

Тогда все сходится. Значит, не Моисей. Ну и кто же?

Иисус! Конечно Он! Вот на Нем все и сходится. Он тоже сделал ставку на деклассированных. Он велел проповедовать язычникам. А как же иначе, ведь теперь уже иудеи выполняли роль египтян по отношению к «прилежавшим» народам. У иудеев были корни – земля, религия, традиции.

Однако Иисус оказался не в роли Моисея, а в роли Эхнатона – чужой среди своих. При этом, Ему не подходил ни путь первого, ни путь второго из великих предшественников. Но одно из их опыта было очевидно – семя нового про-

израстает только на новой почве. Вот Иисус и подготовил 12 эмиссаров, в миг заговоривших на разных языках и отправил их в заповедье. Точно!

Теперь подытожим. Племя Моисея выжило, Египет вышел. Черт, выходит, время пасть Израилю, откуда вышло племя Иисуса? Опять не сходится! Зачем тогда убивать еврея? Какого еврея? И почему меня выбрали киллером?!

Когда Артем понял, что близок к помешательству, он позвонил отцу и спросил, есть ли у того знакомый в Иерусалиме, к которому он может обратиться за консультацией по всякой мистической ахинеи. Отец хмыкнул, но продиктовал телефон, адрес и пообещал, что сам позвонит, подготовит человека.

*****

Мойша Коэн абсолютно не соответствовал образу, которым мысленно Артём наделил профессора теологии – он был кежуал. Главное, в его глазах абсолютно не было выражения вселенской скорби, часто встречающегося у армян и евреев. Можно было совершенно не сомневаться, что он с равным скепсисом относится и к тому, во что не верит, и к тому, во что верит. Это была та потрясающая разновидность людей, которые вызывали у Артема восхищение. Он понял, что все выложит Мойше. Все равно, он ничем не рискует, нормальный человек не поверит ни одному его слову, не нор-

мальный, точнее, аномальный, может и поможет.

Реакция Мойши оказалась странной: больше всего его заинтересовала золотая пирамидка. Он скрупулезно выспрашивал Артёма о том, что происходило во время ее звучания, как изменялось пространство вокруг. Обескураженный Артём ответил, что совершенно не обратил на это внимания. Мойша огорчился было, но потом весело подмигнул: «Ты слушал музыку вселенной. Парень, пирамидка – мощный источник сигнала. Понимаешь, сила сигнала зависит от угла наклона треугольных пластин к центральной оси. Тебе дважды передавали очень важную информацию, а ты от нее отбрыкнулся. Что значит, не не физик. Хотелось бы знать, почему они выбрали тебя?

– Мне бы тоже хотелось, – вздохнул Артём, подумав, что в свое время придумал гениальную формулу: «Если твоя проблема становится неразрешимой, возложи ее решение на другого». Вот и сейчас он почувствовал облегчение, поняв, что его кошмар стал «любопытной задачей» для ума ученого.

– Неужели где-то действительно есть эти маяки Вселенной? – задумчиво изрек

Мойша. – Послушай, опиши место, где ты видел пирамиду.

– Да я все рассказал. Реально я был на развалинах столицы Эхнатона. Виртуально – в его дворце.

– Но, раз ты видел Нефертити, это мог быть и ее дворец.

– Ну и что? Что от этого?

– Как, что? Сужается пространство поиска.

– Вы, что, собираетесь искать... это?

– А какого хрена ты мне все это рассказал?

– Не знаю, хотел душу облегчить... наверное.

– Не лукавь! Тебя конкретно задействовали и не успокоятся, пока ты не решишь проблему.

– Черт! Вы что! Вы что, думаете все так серьезно?

– А ты думал, если будешь косить под психа, тебя оставят в покое?

– И где вы слов таких нахватались? – занудно прогнусавил Артём и услышал:

– На физфаке МГУ. Факультет астрофизики.

– Не фига себе фигня! – присвистнул Артём, – я просил у отца теолога, мистика...

– Я и есть такой – профессор теологии. Сорбонна.

– Круто! Так вы видели Бога в телескоп? – Артём хотел сказать это иронично, а получилось по-детски, с нескрываемым любопытством.

– Видел, – фыркнул Мойша. – Думаешь, меня случайно назвали Моисеем?

– Ладно, – насупился Артём, – а что если вы и есть тот еврей, которого я должен убить? Может, наше знакомство неслучайно?

– Раз должен, значит, убьешь, – с иронией сказал Мойша. – Впрочем, вряд ли это я. Скорее всего, речь идет об ал-

легории, а не о каком-то конкретном человеке. Никто из нас не убивает своего отца, но Фрейд считает, что все мальчики страдают эдиповым комплексом. Что-то в этом роде.

– Уф! – вздохнул Артём, – камень с души свалился.

– Впрочем, это всего лишь версия, – «утешил» его Мойша. – Ты впервые в Иерусалиме? – вдруг улыбнулся он. – Давай-ка я позову дочку, пусть покажет город. Кстати, предупреждаю, я все равно всё ей расскажу, она умница и отчаянная. Думаю, очень поможет нам. Так что, лучше сам все ей поведай. Давай, до вечера!

*****

Они сидели в Гефсиманском саду и молчали. Лия – уникальная девчонка – выслушала рассказ Артёма, ни разу не перебив его. Наверное, сейчас она осмысливала услышанное. Артём отдавался забытому чувству «невыносимой легкости бытия» – он ни о чем не думал. Наконец, Лия прервала молчание: «Давай исходить из того, что ты не случайно попадаешь туда, куда попадаешь. Раз ты оказался здесь, – она словно подыскивала слова, а потом сказала как давеча ее отец, – давай сузим пространство поиска. Давай, побродим по городу».

Артём провел в Иерусалиме не три дня, как планировал, а неделю. Один или с Лией побывал в самых знаковых местах города. Написал несколько интересных статей. Две от-

правил в Париж, и четыре разбросал в Женеве. И хотя заказа на них не было, женевский редактор принял – было в них что-то свежее, так он написал Артёму. Но напомнил о репортаже из Палестины. Артём и сам понимал, что задержался, но он все ждал какого-то знака. Его не было. Даже сон стал нормальным. Артём подумал было, что весь кошмар предыдущего месяца на самом деле был лишь для того, чтобы он приехал сюда, где его ничего не мучает, напротив, все так необоснованно хорошо. Он размышлял до того, что мысленно сделал предложение Лие и народил троих ребятишек. Таких шнобелистых, как положено у евреев и армян. Потом рассмеялся и пошел покупать билет. Он решил провести один день в Стамбуле, а оттуда отправиться в Палестину.

Вечером они сидели с Лией в ресторане и болтали о каких-то пустяках. Они уже собирались уходить, когда Лия получила эсэмэску. Прочла, покачала головой и сказала Артёму, что пока он закроет счет, она вернется. Артём знаком показал официанту – счет. Расплатился, встал и услышал звук взрыва. В ресторане началась кутерьма. Кто-то бросился на пол. Кто-то рвался к выходу. Сквозь выпавшие стекла было видно, как полыхает какой-то автомобиль. Потом рвануло соседний. Вокруг кричали. Звонили по телефонам, куда-то бежали, кто-то уже поливал горящие машины из огнетушителей. Артём тоже пытался выбраться на улицу, при этом бесконечно набирая номер Лии, зовя ее и ища взглядом. К этому времени уже подросла полиция. Все было

оцеплено. Посетителей ресторана загнали обратно, сказав, что с ними будут говорить. В обгоревшей машине был виден обгоревший труп. Артём отвернулся и быстро потопал в ресторан. Лии нигде не было. На звонки она не отвечала. Люди поуспокоились, очевидно, убедившись, что жертв среди своих нет. Артём подозвал официанта, с которым Лия, судя по всему, была знакома, и спросил, не видел ли он ее. Тот отрицательно покачал головой и направился к офицеру полиции. Артём подошел к бармену, попросил пиво и спросил, не видел ли тот случайно, куда направилась девушка, вышедшая отсюда буквально за несколько минут до взрыва. Пока он описывал Лию, к нему подошел офицер полиции и попросил отойти. Они сели за столик, и офицер принялся расспрашивать о Лии. Когда Артём сказал, что она вышла, получив эсэмэску, тот нахмурился и принялся на все лады допытываться, не сказала ли Лия от кого послание, почему она выходит и когда вернется. Единственный ответ Артёма на этот ряд был: «Лия сказала, что пока я закрою счет, она вернется». Все это время он продолжал звонить Лие. Хотел было позвонить ее отцу, но подумал, что может напрасно того напрячь и попросил совета у офицера. Тот тоже решил, что не стоит понапрасну беспокоить человека. Но попросил телефон Мойши, Лии и ее описание. У Артёма в сотке были снимки, сделанные во время прогулок, он дал посмотреть офицеру. В это время к ним подошел полицейский, нагнувшись и что-то сказал на иврите офицеру. Тот нахмурился, из-

винился и вышел. Посетителям злосчастливого ресторана после всех вопросов, наконец, разрешили расходиться. Полиция расчищала им проход от зевак и журналистов. Артём тоже направился к выходу, но его перехватил человек в штатском и попросил следовать за ним. Территория вокруг обгорелого автомобиля была оцеплена, там трудились криминалисты. Именно туда и повел Артёма его сопровождавший. Его подвели к носилкам, и один из полицейских отвернул ткань, прикрывавшую труп. Артём вышел из ступора только когда его окатили ледяной водой. Он отошел в сторону, сел на землю и стал раскачиваться. Его снова окатили водой, потом усадили в полицейскую машину и повезли в участок.

*****

Артём открыл глаза и увидел отца. С минуту он смотрел на него, но в тот момент, когда улыбка готова была расплзтись по лицу, вдруг вспомнил. Вспомнил ресторан, взрыв, Лию, точнее, то, во что она превратилась после него, и заплакал. Он рыдал навзрыд, как мальчишка, как тогда, когда увидел маму и того дядьку. Отец погладил его по голове, как маленького и что-то хотел сказать, но тут вошел человек в белом халате. Он молча подошел к Артёму, закатал его рукав и сделал укол. Артём не сопротивлялся. Через какое-то время он снова погрузился в сон.

Во сне он кричал. Он звал Эхнатона, Нефертити, салато-

вых человечков и всех, кого мог вспомнить. Никто не приходил. Тогда он позвал Бога. И Голос ответил ему: «Кого ты зовешь?»

– Бога, – прокричал Артём.

– Какого? – спросил Голос.

– Как? – удивился Артём, – разве он не один?

– Один-то один, – сказал Голос, – но у каждого свой. Кто твой Бог? К кому ты обращаешься?

И Артём увидел вереницу богов со дня сотворения мира. Некоторые были устрашающе уродливы, некоторые поразительно прекрасны, одни ползали, другие летали, кто-то производил впечатление добродушного лукавства, а кто-то – безудержной злобы. Артём шел по этому пантеону, вглядываясь в каждого из них и видя, как под его взглядом осыпались даже те, кто производил впечатление незыблемости. Это было очень странное зрелище. Наконец, когда рассыпался последний, Артём ощутил ужас вселенского одиночества.

– Ну как, хорошо одному? – услышал он Голос и закричал: «Нет! Нет! Нет»!

– Так что ж ты не выберешь себе бога?

– Разве Его выбирают? – прошептал Артём.

– А как же иначе?

– Но ведь Он есть всегда.

– Верно. Свято место пусто не бывает. Ты, что, не знал? А, теперь поторопись, время на исходе. Видишь свято место? Пора водрузить на него бога.

– Я понял, – сказал Артём, – ты – змей-искуситель, дьявол! Изыди, Сатана!

– Фу, – услышал он, и хотя Голос не был материализован, показалось, что он презрительно наморщился. – Все смешал в кучу. Ты восхищался в детстве Сократом?

– Да.

– А в кого верил Сократ? А Эхнатон? А Будда? А Вивикананда? А Цицерон? А Авраама? Ты, что же, думаешь, что все они были идиотами?

– Да что ты пристал? Я никого не считаю идиотом. Из них, во всяком случае.

– Но ты не веришь в их богов, считаешь их пустыми сказками. А ты?! В кого ты сам веруешь?

– При чем тут я?!

– При том, что свято место должно быть занято!

– Я, – Артём чуть не задохнулся и услышал глумливый смех:

– Успокойся! Никто не предлагает тебе занять его.

– Тогда что ты хочешь от меня? – крикнул Артём, слишком поздно поняв, что подставился и угодил в ловушку.

– Убить еврея! – прошелестел голос. – Убить!

*****

Артём открыл глаза. Он был в комнате, не оставляющей сомнений, в том, что это палата в психушке. Он подумал,

что, наверное, здесь есть камеры слежения и постарался держать себя в руках. Он лежал и думал. Вспоминал час за часом события последнего времени, начиная с первого сна. Он пытался выстроить систему. Дверь палаты бесшумно открылась, и вошел санитар. Артём сел и спросил, может ли он увидеть врача? Санитар кивнул и протянул ему таблетки. – Это не вырубит меня? – спросил он, – я бы хотел быть в форме при разговоре. Санитар улыбнулся, сказал, что это витамины и после того, как Артём, проглотил лекарство, вышел. Артём лег и продолжил размышлять. Через какое-то время он почувствовал, что сознание уплывает, и понял, что санитар провел его. Он разозлился. Злоба накатывала волнами, туманя сознание, оставляя его между сном и реальностью. Вдруг дверь открылась, и на пороге возник врач. В его глазах было любопытство ученого, готового шагнуть в бездну, где таится ответ на занимающий его вопрос. Он подошел к койке, и Артём услышал свой голос:

– Лоха нашли? Сволочи!

– Не понимаю на русском, – по-английски ответил врач.

– А санитар? – спросил Артём, – он как понял?

– Он из России, – сказал доктор. Артём чувствовал, как в течение их диалога доктор что-то делает с его сознанием. Может, гипнотизирует, может, останавливает действие лекарства, может, наращивает ему хвост. Артём уже допускал все. Но, подумав о хвосте, засмеялся. Доктор с любопытством посмотрел на него и спросил: « О чем вы хотели

со мной поговорить?»

– Хотел узнать, где я, почему я здесь и могу ли выйти отсюда?

– Конечно, – кивнул врач, – вы в Иерусалиме, в частной лечебнице. Вас поместил сюда ваш отец. Он тоже здесь. В Иерусалиме. Вы можете позвонить ему.

– А увидеть? – спросил Артём.

– Разумеется. Как вы себя чувствуете?

– А как бы вы себя чувствовали?

– Я бы рекомендовал вам не торопиться с выходом отсюда.

Нет-нет, это не то, о чем вы подумали.

– Вы знаете, о чем я думаю?

– Не трудно догадаться. Но, уверяю, вас не держат насильно и ничего не... «вкалывают». Просто, ваша энергетика почти на нуле. Вам надо восстановить силы.

– А я не могу делать это... не здесь?

– Понимаю, но, поверьте, так лучше – у нас вы под постоянным присмотром. Впрочем, вы можете позвонить отцу. Будет правильной выслушать и его мнение.

Доктор набрал номер и протянул трубку Артёму. Услышав голос отца, Артём чуть было снова не прослезился, но взял себя в руки и попросил его приехать. Отец сказал, что сейчас будет и попросил передать трубку доктору. О чем они говорили, Артём не узнал, потому что доктор вышел. Из ребячества он встал и попробовал открыть дверь. Разумеется, это ему не удалось. Он снова улегся и стал ждать.

Отец, действительно, приехал где-то через полчаса. Он выглядел потерянным. Посмотрел на Артёма, вздохнул как-то по-женски и протянул ему сверток с одеждой: «Одевайся!»

– Как? – удивился Артём – Так сразу? А бюрократия?

– Все в порядке, сын, собирайся.

Отец плавно вырулил за ворота, поставил легкий джаз и только когда они выехали к морю, спросил: «Ты голоден или сперва душ?». «Пап, я что, правда, чокнутый»?

Артём не ожидал, что это получится так по-детски, еще меньше он был готов к тому, что отец дернется, резко надавит на тормоз и заплачет. Переживший столько всего за последнее время, Артём думал, что его уже ничего не может вывести из равновесия, но это был шок! Он понял, что подсознательно отец был для него незыблемостью, и вот она рухнула, оставив его в пустыне одного. Он даже не знал, как себя вести.

И вдруг, бешенная волна злости захлестнула его: «По какому праву они ворвались в его жизнь и так изуродовали ее?! Кто дал им право распоряжаться судьбами и жизнью людей, имевших несчастье встретиться на его пути?! Как ему жить с этим бременем ответственности и вины»?! Он даже не знал, кого конкретно имел в виду под этим – «они». Но знал другое – попадись «они» сейчас ему под руку, он не оставит от них и мокрого места. Он повернулся к отцу и... выругался. Смачно, отборно, вложив в ярусы мата всю свою злость с того детского эпизода, перевернувшего его жизнь,

до сегодняшнего дня. Отец слушал не перебивая с выражением научной заинтересованности. Когда Артём иссяк, отец завел машину и сказал: «Видишь, всегда есть кто-то, кого можно пожалеть больше себя. Не кипятись! Это здорово избавляет от болезненной жалости к себе». Но Артём не собирался молчать, он просто передохнул, а потом выорал, все, что думал о матери, об отце, о его психологических экспериментах над собственным сыном, о его друзьях психиатрах, об Аде, о человечках, об экологии, о проституции... Отец перебил, сказав, что они доехали.

Ресторанчик был милым, с видом на море. Отец даже не предложил сделать Артёму заказ, выбрал все сам и, медленно смакуя вино, сказал: «Если бы ты был чокнутым, у тебя не было бы такой здоровой логики в конструкции мата». Артём едва не поперхнулся, но никак не отреагировал.

– Теперь я совершенно уверен, что тебя не сломать, – продолжил отец, – а это главное. Судя по всему, твои дружки – крутые отбросы и серьезно намерены выжать из тебя то, что им надо. И, похоже, что, к счастью, ты – единственный, из кого они это могут выжать. Нет, я не оговорился, – пресек он попытку Артёма встрять, – именно – «к счастью». В противном случае, тебя бы давно убрали. Значит, ты действительно, представляешь для них ценность. А поскольку ты не знаешь, в чем она, то, сам того не подозревая, случайно можешь вывести их на искомое. Это, как алхимики, которые в поисках философского камня, сделали массу открытий в области

химии. Есть, правда, существенная деталь. Если твои преследователи получают то, что надо, а сам ты этого не уразумеешь, то твоя смерть, прости за жестокость, может оказаться наименьшей из бед. Значит, как минимум, надо понять, чего они от тебя хотят. Я прошу тебя отнестись к этому отстраненно. Не воспринимай это через себя, абстрагируйся, просто решай задачу. Решай, думая не о том, как тебе тяжело, ибо все это происходит с тобой, а, наоборот – о том, что тебе особенно повезло, потому, что это происходит с тобой. Ведь так тебе легче анализировать. Ты делаешь это не с чужих слов и чувств, а – со своих. Это очень трудно, но попробуйся. Другого пути сохранить разум и обыграть противника, я не знаю.

Артём продолжал есть, чувствуя, что злость отступает, уступая место холодному спокойствию.

– Что за рыба? – спросил он, – я б еще умял. Кстати, где-то я вычитал, что, двигаясь к центру черной дыры, космонавт увидит свое будущее и другую Вселенную, расположенную к нашей Вселенной в будущем. Это, что, научный факт?

– И что? – сказал отец.

– Может мы и есть другая Вселенная по дороге к черной дыре?

– Какая, к черту, разница? Ты там, где ты здесь.

– А они? Отец, их здесь нет, но они здесь. Из какой они Вселенной, что им надо? Впрочем, прости, давеча ты сказал, что ответить на это могу только я.

– Не утрируй, никто не собирается бросать тебя на произвол судьбы и отказывать в помощи.

– Но их – помогающих, ждет смерть, – сказал Артём и сразу пожалел об этом, потому что переступил порог темы, которой решил не касаться. Он еще не успел дожалеть, как услышал слова отца: «Глупости, я ведь жив!».

Добрых 15 секунд они молчали, хотя оба понимали, что думают об одном и том же, а потом отец подозвал официанта и попросил повторить рыбу. Он вступил с ним в утонченно гурманский диалог по поводу вина к ней, потом попросил принести, если есть, буклеты авиакомпаний.

– Давай пойдем, куда мы отсюда отправляемся, – сказал он Артёму.

– Ты и так запустил работу... из-за меня.

– Глупости! Моя работа – думать, а это я умею даже в постели.

– Тогда без разницы, давай в Париж.

– За Париж, – поднял бокал отец. – За праздник, который и с нами!

Они посидели еще часа полтора, перекидываясь легкими репликами, и стараясь отодвинуть на потом то, что все равно было здесь и сейчас. Уже в машине Артём сказал: «Я должен заехать к Мойше». Отец кивнул.

Артём ожидал увидеть человека, сломленного горем, но Мойша вовсе не выглядел таковым. Он крепко обнял его и сказав: «Слава Богу, что ты в порядке», продолжил что-

то бурно говорить в трубку. Потом, потирая руки, засмеялся: «Они сделали анализ! Это не она! Не она! Ее сотка, ее сумочка, босоножка, но не она! Это все подстроено! Босоножка! Представляешь? Но, Гарик, это не она, понимаешь? Я знал, я чувствовал!»

– Миша, кто тогда? – растерянно спросил отец.

– Да разве ж не ясно? Арабы. Ее просто похитили, но она жива. Если бы им надо было убить ее, они бы не устроили этот спектакль.

– Но почему тогда они не выдвигают требований?

– Да какое это имеет значение, Гарюш, главное – она жива!

Артём сидел совершенно сбитый с толку, ошеломленно слушая их разговор, не имея сил вмешаться хотя бы из вежливости. Минут через 15 отец сказал, что им пора и, попрощавшись, они вышли. Уже в гостинице отец, заказав билеты на Париж, зашел в душ. Через секунду вышел, подошел к двери номера, вывесил табличку «Не беспокоить», запер дверь, положил ключ в карман халата и отправился в ванную. Артём хмыкнул и включил телевизор. Зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал: «Ее жизнь в твоих руках».

– Что я должен делать? – спросил он.

– Как только ваш отец уснет, за вами придут.

Остаток вечера потребовал от Артёма огромного напряжения – он отнюдь не был уверен, что отец не перепрятал ключ от номера и совершенно не представлял, как сможет

объяснить «пришельцам», что дверь заперта. Но все оказалось гораздо проще. Часа в два, когда Артём, лежа без сна, прислушивался к тишине ночи, он вдруг увидел возникшую на пороге его комнаты фигуру. Артём приподнялся, человек приложил палец к губам и кивком приказал идти за ним. Артём встал, с грустью посмотрев на спящего рядом отца, и подумал, что все его меры предосторожности, включая сон на одной кровати, оказались бесполезными. Он порадовался, что предусмотрительно от руки написал отцу письмо и положил на столик под сотку.

В сопровождении провожатого он вышел из гостиницы. В молчании они сели в машину и ехали минут 15, когда вдруг его безмолвный попутчик прыснул чем-то ему в лицо. Артём вырубился.

*****

Он опять был в том зале с бассейном. По ту его сторону, как и тогда, сидели трое, правда, уже другие. Артём понял – они почувствовали, что он пришел в сознание. На сей раз он решил не играть в игры. Потянулся, встал, сделал в их сторону легкий полупоклон. Один из троих кивнул и на стене, оказавшейся экраном, возникло изображение. Это была Лия. Но одета она была как-то странно. Да и ложе, на котором она была, выглядело диковинно. С минуту Артём молча смотрел на нее, чувствуя, что с ним самим происходит что-

то непонятное, но сейчас его интересовало другое – жива ли она? И, словно почувствовав это, она слегка изменила во сне позу.

– Это передача в режиме он-лайн, – услышал он голос одного из троих. – С ней все в порядке.

– Зачем!?! – Артём думал, что сказал это гневно, но в действительности в его голосе был холодный и отстраненный металл. Он перевел взгляд на троицу и увидел, как вытягиваются их лица. Он понял, что «трансформируется» и, что те абсолютно не были готовы к этому.

– Так вот оно, что! – сказал старший из сидевших. Они о чем-то пошептались, и он обратился к Артёму: «Что ж, нет смысла ходить вокруг да около. И времени нет. Вы, надеюсь, понимаете, что с вами происходит»?

– Господа, – сказал Артём, – я могу жить и не понимая этого. Я могу даже умереть. Какая разница, если рано или поздно это произойдет?

– Не бравировьте, – в голосе старшего была усталость. – Значение имеет все. Особенно – как. Но мы встретились с вами не для шантажа... Тем более, у вас такая неустойчивая психика. Не кипятитесь. Я просто констатирую факты. Дальше. Вы ведь не станете утверждать, что вам безразлично, что произойдет с вашими родными и близкими? Но, расширьте это понятие, и вы убедитесь, что в определенных ситуациях это понятие расширяется, в других сужается. В одной ситуации вы готовы погубить мир ради своей женщи-

ны или своего ребенка, в других это понятие расширяется до нации, веры, государства, расы, цивилизации, и, наконец, человека, как вида.

– Почему я должен верить, что вы печетесь о виде, а не о себе?

– Потому, что у нас есть все.

– Но, чего-то ведь нет, раз я вам нужен? Может вам нужно мировое господство?

– Оно у нас есть.

Ни сама фраза, ни даже ее смысл, а именно то, как просто она была сказана, не оставляло сомнений, в том, что так оно и есть. Говоривший, между тем, продолжил: «Если вы не поверите, что речь идет вовсе не о потере нами контроля над миром, а о судьбе человечества, дальнейшее теряет смысл».

– Кто вы? – спросил Артём и услышал свой же ответ: «Масоны?». Он увидел, как на трех лицах промелькнула улыбка, и самый молодой сказал: «Можете считать так. А можете – жрецами. Или пророками. Или рыцарями Круглого стола. Или мировой финансовой олигархией. Главное не это. Главное другое. Во-первых, мы – люди. Во-вторых, во все времена был КЛУБ ПОСВЕЩЕННЫХ – это те, кто несет ответственность за ЗНАНИЕ.

– Тайное знание? – спросил Артём.

– Можно и так.

– И что вы потеряли? Тайну или знание?

– Мы ведь договорились не ерничать.

– Я ни о чем с вами не договаривался. Вы мне не нравитесь. Мне не нравится, что вы убиваете людей и не надо про «цель оправдывает средства». Вы ничего конкретного мне не сказали. Про Грааль, жрецов и масонов – лабуда это или нет, я достаточно читал. Неубедительно. Не знаю, что большего от них – пользы или вреда? Знаю, что история не терпит сослагательного наклонения, но я ни на что не претендовал. Не знаю, кто выдрал меня из моей личной истории и для чего. Но пока не буду знать, не собираюсь ни в чем участвовать. Тем более, что из-за этого гибнут люди. Извините, если разочаровал вас дешевой сентиментальностью. Я не член КЛУБА... ИЗБРАННЫХ. Мне все по фиг. Я – пофигист. Я хочу жить простой человеческой жизнью, трахать баб, валяться на солнце и, черт побери, почему бы и нет, плодиться и размножаться. В конце концов, так повелел мне Господь.

Он был очень горд своей тирадой и, очень удивился, увидев, что они опять улыбаются.

– Вы во всем следуете Его заветам? – Это, наконец, подал голос до сих пор молчавший третий.

– Да я и этому-то завету не следую.

– Вот вы и подошли к сути. – Услышал он голос старшего. – И вам не надо напрягаться, чтобы понять – вы в этом не одиноки. Настолько, что масса стала критической. Вчера ваш отец достаточно популярно рассказал вам о черных дырах. Попробую пояснить по аналогии с ней. Впрочем, у вас на десктопе достаточно файлов, скопированных из Интерне-

та. Пожалуй, я просто напомним вам один из них.

Он замолчал и глаза в глаза уставился на Артёма, в голове которого что-то щелкнуло и мгновенно возник текст, привлёкший его внимание во время блужданий в Интернете. Причём, текст был именно в той «обрезанной» версии, которую Артём сохранил в своем компе.

«Научиться проводить аналогии означает научиться видеть, что Верх Равен Низу, Внешнее Равно Внутреннему, Левое Равно Правому.

Как считает наука, черные дыры – это последняя стадия жизни звезд, имеющих определенную массу. Когда излучения внутренних слоев больше не существует, когда кончается внутренняя энергия, такая звезда начинает сжиматься под действием собственной массы, которая такая огромная, что звезде ничего кроме этого больше не остается делать. Наступает гравитационный коллапс. Это приводит к тому, что происходит взрыв, называемый «вспышкой сверхновой».

Пространство и время в черной дыре меняются местами, пространство становится одномерным, а время – трехмерным, то есть имеет длину, высоту, ширину, и оно обратимо. Трехмерное пространство ведь обратимо – вы же можете, выйдя из дома, вернуться в него. Вот и время в черной дыре обратимо, по нему можно гулять туда и обратно, вверх и вниз.

В черной дыре есть только один путь – от периферии

к центру. Хотя где в ней центр, а где периферия – непонятно.

По мере приближения к границе черной дыры, откуда уже возврата нет, время постепенно замедляется, а при пересечении этой границы останавливается совсем. Если вы находитесь на корабле, то время для вас течет по-иному. Вы пересекаете границу за определенное время и с огромной скоростью устремляетесь к своей гибели. Черные дыры все в себя затягивают, в том числе и свет, и ничего не выпускают наружу. Хотя недавно я прочитал заметку, что они все-таки исторгают из себя свет и другие частицы. Правильно, во Вселенной нет однопавленных процессов, все они двойственны и направлены навстречу друг другу.

Ученые определили, что наша Вселенная представляет собой черную дыру, так как соответствует всем ее характеристикам. Человек разворачивает всю проявленную Вселенную из себя, из своего ума. Поэтому изначально человек также представляет собой черную дыру. Поскольку сама Вселенная является черной дырой, в ней есть черные дыры. Значит, и в поведении человека в некоторых областях его жизни должны проявляться черные дыры. В линейной Вселенной человек может проживать либо жизнь обычной звезды, либо сверхновой, либо пульсара, либо красного гиганта, либо черной дыры (все вышесказанное касается и наций)».

– Так вот, – услышал Артём, возвращенный в реальность, – когда наступал коллапс цивилизации, она исчезала. Абсолютно не имеет значения, по каким внешним причинам – потоп, вирус, завоевание и так далее. Она исчезала, но, к счастью, появлялась другая.

– Так чего вы волнуетесь? – сказал Артём, – обыкновенная ротация.

– Нет! – жестко возразил старший. – Иногда конец может быть необратимым.

– Когда?

– Когда нет веры, – просто ответил собеседник. – Как бы смешно это ни звучало для современного человека. Даже если он формально верующий. Глобальность грядущего коллапса обусловлена всеобщим патологическим неверием. Точнее, тем, что оно приближается к критической точке, к периферии черной дыры, откуда нет обратного хода.

– Похоже, что мы уже там.

– Нет. Пока еще нет.

– Почему вы уверены в этом?

– Потому, что в истории такое уже было. Но приходил...

– Мессия?

– Называйте как хотите, иронизируйте, сколько хотите.

– Я, что, мессия?

– Не знаем. Скорее всего, вас несколько и вы проходите конкурс.

– Черт! Даже обидно. Не обольщайтесь, я пошутил. Это

даже хорошо. Готов спорить, что один из этих ребят точно страдает манией величия, другой – комплексом спасителя, третий...

– Третий – вы, – перебил его старший. Так какой выбор сделали бы на нашем месте вы?

– Откуда мне знать?! Впрочем, у меня комплекс неполноценности. Считайте, что я не прошел конкурс.

– Он не готов, – вздохнул третий.

Артём подумал, что дежавю становится частью его жизни, и в это время

вырубился свет. Он не успел даже удивиться. Тем более, что в него опять чем-то брызнули, и он тоже вырубился.

*****

– Вставай! – услышал Артём. Он открыл глаза и увидел лицо отца, склонившегося над ним. Лицо сияло.

– По какому случаю праздник? – вяло спросил Артём.

– Лия нашлась! – Отец сказал это так, словно именно он это и сделал.

– В каком смысле «нашлась»? – как-то хрюкнул Артём, рывком садясь в постели.

– Да, – хмыкнул отец, – умеешь ты испортить праздник. – Кто-то позвонил Мише и сказал, что ее готовы обменять на какого-то террориста.

– Что значит «кто-то»? – заорал Артём, – кто этот «ка-

кой-то»? А вдруг они врут? А что если израильтяне не согласятся? Почему позвонили не в полицию, а Мойше? И, наконец, почему похитили именно ее? И не говори, что им по фиг, кого именно. Потому, что твой Мойша сам заявил, что дело было подстроено вплоть до босоножки.

– Что ты на меня орешь? – заорал отец. – Откуда я знаю? Я, как проснулся, позвонил Мише, он сказал мне то, что сказал.

– Поехали к нему.

– Мы опоздаем на самолет.

– Плевать!

– Тебе никто ничего не скажет! Ты только будешь путаться у всех под ногами, раздражать. Ты и так был первым подозреваемым. Вспомни, как тебя допрашивали в полиции.

– Плевать! – заорал Артём. – У тебя есть совесть? Это все из-за меня! Он же твой друг!

– Я тебе врежу, щенок! И не бери на себя больше, чем можешь нести! Теперь кто где пукнет – все из-за тебя? Говорят тебе – террористы.

– Конечно, выгодней, если кто где пукнет – все валить на террористов. Черт! Пап, прости! Но ты сам начал.

– Думаю, они позвонили Мойше, чтобы если полиция не пойдет на обмен, факт все-таки всплыл. Это может взбесить людей и, кто знает, во что вылиться. Кстати, что за дурацкую записку ты мне оставил?

– Фак! – подумал Артём, оценивший, что отец перевел

стрелку разговора. – Фак! Как я забыл про записку. Хотя, как я мог о ней помнить, если не помню, как меня вернули сюда. – Ерунда! – сказал он, натягивая кроссовки, – Подумал, вдруг я буду на пробежке, а ты протрешь глаза и увидишь, что меня нет.

– С каких пор ты стал бегать? – вздохнул отец. – И не пытайся соврать, что ты знал, куда я заныкал ключ.

– Поговорили, называется, – резюмировал Артём.

– Да уж, – согласился отец, набирая номер Мойши.

На сей раз они встретились не дома у Мойши, а в небольшом ресторанчике на берегу моря. Мойша выглядел далеко не так окрылено, как в предыдущую встречу. Они поговорили о том, о сем, а когда подали десерт, Артём, несмотря на пинки отца под столом, сказал: «Дядь Миш, я понимаю, что, скорее всего, в полиции с вас взяли слово молчать. Поэтому я не буду вас ни о чем спрашивать, просто поделюсь своими сомнениями. И так, первое – гарантии, что обмен состоится. Второе – вероятность наших действий в обход полиции».

– Хороший у тебя мальчик, – после небольшого раздумья сказал Мойша и продолжил, – У меня нет оснований не доверять полиции. У меня есть приятель, у которого огромный материал по Моген Довиду. Извини, что совсем забыл о твоей статье. Давайте-ка пойдем к нему, он расскажет и покажет тебе массу интересного.

Поскольку ни о чем подобном договоренности не было,

Артём понял, что Мойша хочет поговорить, исключив любую форму прослушки. Поэтому сказал: «Вы не против, если мы прогуляемся пешком?» Мойша кивнул и подозвал официанта. В лучших советских традициях они с отцом затеяли спор, кому закрывать счет. Артём перехватил официанта и расплатился. Отец довольно пыхнул.

Они шли по улочкам Иерусалима, как типичные туристы, раззевая рты на достопримечательности, о которых рассказывал Мойша. Возле одной из синагог тот сказал: «Все это время я ломаю голову – почему Лия? Если ее взяли случайно, то, как на той несчастной оказались ее кольцо, босоножка, сотка? Если хотели взять именно ее, то – почему? И, почему ее хотят обменять на достаточно серьезного террориста? Это никак не равноценный обмен. Выходит, что полиции нет резона идти на него. Но ведь и террористы это понимают. Тогда, какого черта? Возможна только одна бредовая версия – Лия занимается чем-то, о чем я не знаю, но знают «обе заинтересованные стороны – полиция и террористы. Тогда, возможно, шанс есть. Или – наоборот. Кстати, мы подошли к дому рабби. Я вас познакомлю, а сам, вы уж извините, уйду».

Артём чувствовал себя последней сволочью, слушая рассуждения Мойши, не имеющие отношения к реальности. Но он понимал, что не может признаться в том, что причина похищения Лии – это он. Поэтому молча последовал за Мойшей.

Рабби оказался чуть старше Артёма, что его изрядно смутило. Впрочем, когда он начал отвечать на вопросы, Артём понял, что ему повезло – рабби не был «закостенелым», а напротив, интересным собеседником с гибким умом и пониманием современности.

*****

Всю дорогу обратно Артём мысленно клял себя – как он мог вести себя с троицей так глупо, по-мальчишески. Как ему теперь выйти на связь с ними, как спасти Лию? У него оставалась слабая надежда, что, подстегиваемые временем, они сделают это сами. Действительность оказалась иной – обмен состоялся. Артём понял, что тройка, точнее, КЛУБ – это не просто понты. Не понял он другого – почему они пошли на это, ничего не выторговав у него? Брали на благородство? Еще одно вызывало сомнение. В день обмена была накрыта группа террористов, среди которых находились люди, не уступающие тому, на которого обменяли Лию. Возможно, никакой связи между этими событиями и не было, но Артёму почему-то казалось, что обмен был нелинейным, за одного выпущенного террориста Клуб отыгрался арестом пятерки новых.

*****

Лию Артём увидел только через день, он понимал, что ей нужно отойти от случившегося, отдохнуть. Сам он провел время, бродя с отцом по городу и в очередном споре с рабби. Утром позвонила Лия и сказала, что будет ждать его в Гефсиманском саду. Артём возразил, что ей не стоит выходить, лучше он приедет к ним. Она фыркнула в ответ: «Два раза одно не бывает. Жду». И дала отбой. Артём пришел на место на полчаса раньше, намереваясь обозреть окрестности. Лия уже ждала его.

– Так и знала, что будешь играть в шпиона, – фыркнула она. Артём вздохнул и уселся рядом: «Отлично выглядишь!»

– Еще бы, – усмехнулась она, – двое суток расслабухи. Было весело. Узнала массу интересного. Давай, пропустим всю фигню про террористов и перейдем к делу.

– А что они тебе предлагали? – удивился Артём.

– Предлагали они тебе. Я же просила не придуриваться.

– Совсем как они, – нахмурился Артём, – Похоже я на всех произвожу впечатление придурка. Если тебе ничего не предлагали, то, как минимум, что-то передали для меня?

– Нет. Я была просто наживкой.

– Тогда откуда ты столько знаешь? Кстати, а что ты знаешь?

– Не особо много, только то, что слышала, когда тебе по-

казывали меня.

– Но ты же была в прострации, под гипнозом или еще черт-те что еще.

– Ну, видишь ли, это они так думали. Просто я владею техникой.

– Черт! Какой еще техникой?

– Это к делу не относится. Слушай, раз все так спешат, времени, наверное, и вправду, мало. Чего они от тебя хотят?

– Да весь маразм в том, что не знаю, – почти выкрикнул Артём. – Точнее, они сами не знают. Просто считают, что раз «салатовые» вышли на меня, значит, у меня что-то есть. Им кажется, что или я не догадываюсь, что конкретно у меня есть, или знаю, но не признаюсь в этом.

– А какая версия правильная? – спросила Лия.

– А может ты и сейчас под гипнозом? – набычился Артём.

– Поговорили, – вздохнула она.

– Да уж, – вернул он ей вздох. – Слушай, вечером мы с отцом улетаем, так что, ты извини за все. Я не думал, что...

– Да ладно, – ответила она, – не бери в голову. На самом деле ты тут ни при чем. Точнее, твоя воля. Ты – инструмент в чьих-то руках. Я – пульт, которым пытались его, тебя в смысле, включить. Все обошлось. Не я, так кто-то другой. Ты – бомба с заведенным механизмом. И ничего с этим не поделать. Разве что... удалиться в пустыню и самоликвидироваться.

Артём встал. – Перестань, – сказала Лия, – Это худший

из выходов. Потому что они найдут другого с гораздо меньшим чувством ответственности. Того, кому плевать будет на «Убить еврея». Да и на многое другое.

Они помолчали, а потом она неожиданно спросила: «У тебя есть дети»?

– Нет, – с удивлением ответил он, – я ж не женат.

– Да уж, аргумент! – хмыкнула она. – Слушай, а ни у кого в вашем роду не было каких-то экстраординарных способностей?

– Не знаю, не думал об этом.

– Напрасно. Ты вот мечешься из страны в страну, ищешь то, не знаешь, что, а под носом не посмотрел.

– Ладно, может, ты и права. Спасибо тебе за все. Жаль, что не могу сказать: «До встречи!» – Почему? – удивилась она, но быстро поняла и улыбнулась: «Неисповедимы пути Господни!»

– А у тебя есть парень? – спросил Артём, когда Лия села в свою машину.

– Не знаю, – ответила она, заводя мотор, – еще не решила.

*****

В Москве, где Артём три года проучился в Бауманском, у него было немало друзей. Приезжал он туда в последнее время не часто, но зато ему всегда удавалось собрать самых близких. Они еще были достаточно молоды и не успели зама-

тереть до той стадии, когда, «звонюк другу» звонком и кончается – на большее уже нет времени.

Встретились по традиции в «Этаже». Пришли все, кроме Игоря, которого иначе, как Кипплингом, никто не называл.

– У него крыша поехала, – объяснил Славка, – читает фантастику и мистику, живет в «сети». Несет какую-то ахинею, про то, что конец света давно уже кончился, а идиоты все еще ждут его наступления. «Идиоты», выходит, мы.

Они пустились в спор, забыв, что решили относиться к Кипплингу и его бреду свысока и снисходительно. Естественно, потом плавно перешли на женщин. Расстались за полночь. Артём отбрыкнулся от всех попыток ребят подвезти его до гостиницы. Взял такси, заехал в «Седьмой континент», вышел хорошо отоваренный и отправился к Кипплингу.

Игорь открыл где-то после 7 минут непрерывного звонка в дверь. Но, даже после этого, Артём не снял руку со звонка. Игорь сделал это сам, буркнув: «Настырен хуже еврея и татарина».

– Зато не дурак, как Иван, – парировал Артём. – Звонюк-то, что не дезактивировал?

– А слов каких нахватался! – ответил Кипплинг. Они обменялись «мушкетерским» приветствием и потопали на кухню. Артём ожидал увидеть в квартире полный развал, как и приличествует человеку, у которого «крыша поехала». Но квартира была тюнингована от и до. Это был «умный дом». На-

сладившись произведенным впечатлением, Киплинг сказал: «Рот закрой – машина решит, что ты голоден». Предложение не было утрированным – Артём и впрямь стоял с открытым ртом.

– Наркотиками в «сети» торгуешь? – спросил он.

– «Уголовный Кодекс я чту», – хмыкнул Киплинг, – старик, в наше время есть более прибыльные и менее опасные дела. А что тебя, дитя глобализации, привело в Белокаменную?

– Глобализация... Игорь, ты думаешь, она продукт нашего времени?

– Надо же – не спросил, как я к ней отношусь. Конечно – нет. Каждый занюханный император стремился к этому.

– Нет, ты говоришь о власти над миром, а глобализация – это другое, это демократия без границ. Это права и свободы и...

– Ну, и что тут другого? Просто вместо конкретного императора неконкретная демократия. Все равно будет единый управляющий орган – какие-нибудь избранные, бдящие, хранящие. И его глава. Или три главы. Какая разница? А про права и свободы – «Свобода! Равенство! Братство!» – еще масоны придумали. Кстати, известные глобалисты. Управлять легче, когда все схвачено. Тем более – везде. А тебе что до этого? Ты же пофигист.

– Ну да. Может, эта глобализация будет мешать моему пофигизму.

– Брат, не темни. Слушай, а что это ты так изменился?

– Как?

– И не поймешь – как? Другой какой-то.

– А в Бога ты веришь? – выпалил Артём, думая, что такой ход живо отвлечет Игоря. Тот с секунду смотрел на Артёма, потом усмехнулся: «Понял, на кого ты похож. Ты похож на женщину, которая хочет, чтобы мужчина сделал ей предложение. Но напрямую не спрашивает: „Ты женишься на мне?“, а подводит его к ответу без вопроса. Предупреждаю – я на тебе не женюсь. Что ты приперся? Выкладывай или проваливай. У меня срочная заказуха».

– Да так, ребята сказали, что у тебя «крыша поехала», решил взглянуть.

– Взглянул?

– Взглянул. По-моему, ты просто нашел свое место.

– А ты никак свое не найдешь? Чем недоволен? Или кто-то недоволен? Женщина? Они все дуры. Родители? Твой ба-тя – супер, таких поискать. Остается... Ха! Бог! Вот это да! Старик, выбрось из головы!

– Почему?

– Потому что, Он всегда недоволен.

– Почему?

– Либи-до.

– Дурак ты, Киплинг.

– Боишься что ли? Брось! Никому до нас дела нет. И Богу.

– Почему?

– Да потому, что его нет!

– А если есть? Ну, не в прямом смысле, но что-то же есть, что-то, что создало все это.

– Эт ты прав – раз есть создание, есть и создатель. Но с чего ты взял, что ему всегда есть дело до своего творения? Вот ты, например, кропаешь свои статейки, публикуешь, получаешь бабло, тратишь его. Тебя что волнует, что завернут в газету, в которой вышел твой материал? Или на кого и как он подействует. Тебе по фиг! Ты свое сделал и пошел дальше по жизни. И, давай не будем, про то, что одна материя живая, другая – нет. Какой-нибудь Рембо или Спайдермен – «неживая материя» – чье-то творение, кстати – живут своей жизнью, переживают своих создателей и формируют целые поколения. Они из создания становятся создателями. Эффект ретворения.

– Значит, сейчас мы без Бога?

– Само собой! Ты глянь, что происходит. Мало того, что без Бога, так еще и без мифа о Нем. Глобализация в наш век впервые имеет шанс стать реально всеобщей. И знаешь почему? Потому что без меча, потому, что чисто экономически и демагогически. Единственно, чего ей не хватает – это образа спасителя и образа врага. То есть, она думает, что у нее это есть: первое – демократия, второе – терроризм. Но беда в том, что и то, и другое – безлико. А человек, он прост, ему хочется увидеть, потрогать, всплакнуть. Поэтому иудаизм не стал всеобщим – он не конкретен. А христианство –

вот тебе иконы, вот Бог-отец, вот Бог-сын. А для полноты счастья и Богородица. Все как у людей, как у тебя или соседа Васи. Почти «ячейка общества» – понятно и внятно. Не то, что у евреев.

– Ну, вот все и стало понятно. Нормальный антисемитизм.

– Дурак ты, Тёмка. При чем тут антисемитизм? Я же не говорю: «Смерть евреям!» или «Во всем жида виноваты». Я просто объяснил тебе, в чем разница. По мне, так евреи, однозначно двигатели прогресса. Ибо, двигатель прогресса – это торговля, а торговля – это евреи. И заметь, я не сказал – торгаши, а, напротив – со всем уважением. Заметь, даже Тора построена по принципу – «ты – мне, я – тебе».

– Знаешь, вот, что я думаю – факты не врут, врут те, кто подбирает факты. Ну, те, чтобы ложились в его теорию.

– И всегда так было, – хмыкнул Киплинг. – Но без евреев ничего не обходится. Везде их след. Сам посуди, с чего, вообще, все конкретно началось? С безымянного, безликого еврея. С того, которого отымел надсмотрщик-египтянин. И Моисей не выдержал – убил этого надсмотрщика. Наверное, бывали ситуации и похлеще, но Моисей не реагировал так остро, а тут зацепило – на подкорковом уровне. И, смотри, что получается – меняется ход не истории даже... это мелко... меняется ход цивилизации. Никому неизвестное племя рабов на многие века становится солью мирового развития. А через несколько веков происходит убийство некоего еврея – более знаковое. Иисус. Что оно знаменует? Можно

сказать – закат эры иудаизма, восход новой эры – христианской. Можно и по-другому: «Замкнутость любой системы – а именно таков иудаизм – приводит к стагнации». Но, стагнация не входила в планы постановщиков задачи. Они понимали, что эта система уже не способна трансформироваться и вычленили из нее отдельный сегмент, придав ему форму новообразования. Ведь Иисус всегда подчеркивал, что он не намерен отменять Закон отцов. То есть, реально, иудейская эра продолжилась в Иисусе.

– Ничего, что на брыдлющем уровне евреев обвиняют в христубийстве?

– Старик, это вписывается в концепт. Если бы не было смерти и отмежевания от виновных в ней, фиг бы кто обратил внимание на очередного проповедника.

– Слушай, а почему ты говоришь, что не антисемит? Чего боишься-то?

– Боюсь? Может, и боюсь, у них руки длинные, и эра их продолжается. Но, я, действительно, не антисемит. Потому что не считаю, что все, то, что они творят, творят по злобе своей. Просто «Заказчику» так надо. А против него не попрешь.

– А свобода воли?

– Фигня! Ни у кого никогда не было чистого листа, с которого предлагалось начинать. Всегда было несколько вариантов – пойдешь налево, станешь царем, направо – женишься, прямо – педрилой обернешься. Для большинства людей

и трех вариантов – выше крыши. Чего тут думать?! Вот тебе и свобода выбора. Ограниченного. Ну, все равно, что разница между изложением и сочинением. Или беседой с преподавателем и ответом на тесты. Изложение и тесты дают свободу выбора, а сочинение – свободу! Понял разницу? Так что, все мы в одном говне. И демократия – говно. И все остальное.

– И как ты с этим живешь? – с любопытством спросил Артём.

– Пенесуально. Как с женой. Иногда я ее трахаю, иногда она меня.

– А чего не разводишься?

– Зачем? Свобода выбора между женой и шлюхами? Каждая шлюха мечтает стать женой, каждая жена – шлюхой.

– Суров ты, однако. Че ж ты всех женщин...

– Старик, я не о женщинах, я о женах. Это две большие разницы. И, знаешь, че я те скажу? Эра еврейского беспредела кончается.

– Что? – переспросил Артём, впадавший в ступор от переходов Кипплинга.

– Че-че? Эра фиша на финише. Полный форшмак! Так что, твои блудливые потомки не будут носить нательные кресты. И Звезде Давида кранты. И пирамиде...

– А это причем?

– При баксе. Третья инкарнация – звезда, крест, пирамида.

– Постой, но ведь пирамида была раньше – это Египет.

– Точно. Оттуда они и изошли. Пирамидой начали, пирамидой кончат. Полный пиз... абзац. А ты че хотел? Атлантида утопла, Египет сгинул, всякие там майя, инки, шумеры, греки, римляне... А эти, что, навечно? Не, брат, навечно только Космос. Великое молчание. Вот эта сила! Насрать ей на все. Срань Господня – это ж про нас, про человеков. Все обосрали. Ты что, думаешь, этот мир задумывался, чтоб мы его обосрали? Хотя... Знаешь, может так и задумывался. Прикинь, Тот Парень, он может другой концепт имел – звезды, галактики, планеты, дыры... А разум... так, побочный продукт. Как вирус. Вот, вирус гриппа – сволочь, никак его не одолеть, мутирует и разрушает. Вот и мы... Помрут миллионы от инфлюэнцы, от чумы, от СПИДА – фигня, другие народятся. И наверху так же – исчезнет планета, звезда, галактика – фигня, другие народятся. А Ему, что? Лишь бы интересно было. Delete остаток и открыл новый файл. Что заскучал? Не хочца вирусом быть?

– Да нет, не в этом дело – вирус не вирус, какая мне на фиг разница! Каждый борется за жизнь. И вирус, и человек, и планета. Так что мне по барабану кем ты меня или себя, или нас считаешь. Вид обречен на борьбу за выживание. Такая заложена программа и никуда не деться.

– Фигня. Слыхал про теорию уставших цивилизаций? Вдруг теряют охоту к жизни. Перестают размножаться, впадают в депрессию, задаются вопросом о бессмысленности бытия. И все! Нормально – имеющий начало, имеет конец.

Так что, большой конец не всегда в кайф. Просто «Заказчик» посчитал материал отработанным. Или вот Африка! На хрен она нужна? Что ни делай, а все голодает. Зато те, кто эмигрировали, стали другими. Какой интеллект в глазах, какие боды, какой секс! Может это резерв? Вот цивилизованный мир кронтанется, черные наследуют его руины и станут развиваться. И построят свой храм и придумают свой символ веры... CD, например. К тому времени никто и помнить не будет, что это за хренотень, а вещь – красивая, блестящая.

– Слушай, ну ты все смешал в одну окрошку.

– Хорошо, вернемся к твоим евреям. Вот они носятся со своей избранностью, а на что, собственно, их избрали?

– На то, чтобы нести Бога в мир и быть образцом для других народов.

– Фигня! Не сходится! Ничего они в мир не понесли, наоборот, закрылись для мира.

– Так ты же говоришь, что потом был протуберанец – христианство. Может, надо было время, чтобы все устаканилось. У Него и у нас, сам знаешь, время по-разному измеряется.

– Опять нестыкуха. Чего это такого они через христианство внесли в мир? Возлюби ближнего? Ну? Возлюбили? Не в этом, блин, дело. Они отвели внимание от главного.

– От чего?

– Не знаю. А знал бы, уже и в живых бы не был.

– Да ладно, не мути. Пожал плечами Артём. – По-моему, ты упрощаешь. Или усложняешь. Была бы тайна, о ней бы

знали.

– Блин! А может забыли!

– Что?!

– Да откуда мне знать? Они сами забыли, вот и несут наказание.

– Слушай, ну ты не просто антисемит, а махровый.

– Ошибаешься, старик! Вот цыгане, знаешь, почему они скитаются? Потому что им было задание, а они его забыли. Сошли с Пути и теперь шатаются по дорогам.

– Да ладно тебе, по-моему, ты просто издеваешься.

– Ни фиги! Я размышляю. Точно! Что-то у этих гадов было. Что-то такое-эдакое. И сперли они это в Египте. Им разрешили брать вещи в исход и знаешь, что они учудили? Они взяли напрокат у египтянок всякую всячесь и – абзац, унесли с собой. Вот народ, а! Вот тебе миссия, пример для подражания! Может они что-то прихватили, чего сами в начале и не поняли – что-то вроде CD того времени – а потом поняли и Храм построили и поклонялись этому там. Точно! Пирамидке твоей! А когда римляне Храм разрушили, наверное, это пропало. Точно! Так и было.

– Антисемит! – Уже вяло вставил Артём, думая о своем.

– Да при чем тут это? Думаешь, египтяне лучше были? Они, наверное, у атлантов немало чего сперли. Вор человек и всегда вором будет. Чего это вдруг только египтяне да инки пирамиды строили? От атлантов это. Наследие.

– Интересно, ты всех расчехловил, а мусульман не тро-

нул.

– Пустое.

– Что пустое?

– Пустое множество. В Библии так и написано, мол, произойдут от Исмаила бесчисленные потомки, но будет он, как осел среди людей.

– Ладно, абзац! У меня уже мозг опух от твоей окрошки. Одно хорошо – ты не антисемит. Ты – мизантроп. Хотя кто-то есть, кто тебе не противен?

– Диоген.

– Не плохо. А почему?

– Он прилюдно драчил на философских диспутах.

Артём рассмеялся и вышел. Киплинг, довольно потирая руки, вернулся в Интернет, бормоча: «А то ходят тут, отвлекают».

*****

Как ни странно, но в ахинею Киплинг было что-то рациональное. Мойша говорил, что золотая пирамидка – передатчик. Киплинг просто так приплел гипотетическое СД, но просто так ничего не бывает. В обоих случаях речь идет об информации. А кто владеет информацией, тот владеет всем. Это – ключ. Вся вселенная – это носитель информации и все в ней может быть трансформировано в какую-нибудь форму информации и транспортировано или законсервиро-

вано. Исчезнувшие цивилизации и инопланетяне интересуют нас с точки зрения увеличения нашего информационного поля, сиречь, расширения возможностей. Ведь – «Что это?» – нас интересует для того, чтобы понять – «Как это использовать?»

Его размышления прервал женский голос: «Не хотите скрасить одиночество?» « Чье?» – спросил Артём, разглядывая девушку. «Я не шлюха, – засмеялась она, – хотя мы на Тверской, и вы вполне могли так подумать. Вообще-то вам следовало рассыпаться в извинениях, – продолжила она, поняв, что Артём не собирается облегчать ей задачу. – Но, раз вы этого не сделали, поясню – речь о моем одиночестве. Ваше, похоже, вам не в тягость. Впрочем, как знаете». Она зашагала прочь, оставив Артёма в состоянии буриданова осла – последовать за ней или идти своим путем. Он выбрал третий вариант – остался стоять, то есть последовал своему принципу – «Раз я не нахожу выбора, пусть выбор найдет меня».

В том, что у незнакомки должен быть ферари, Артём не сомневался. Но он ошибся. Она сидела за рулем хаммера. Один ноль в ее пользу, решил Артём, молча залезая в машину, которую она задним ходом подогнала к нему. Впрочем, тактику свою он решил не менять, чтобы не влиять на чистоту эксперимента. Через полчаса молчаливой езды под Вивальди, так же гармонировавшим с хаммером, как тот со своей владелицей, они остановились у ресторана. Внутри

он оказался примечателен той особой непримечательностью, которая человеку искушенному говорит – не для всякого.

Артём не был голоден и потому заказал вино и кофе. Девушка попросила то же. Артём практически не сомневался, что «выбор нашел его», то есть, все это не зазря, поэтому не удивился, когда к их столику подошли двое, кивнули и сели. Просто механически отметил: «Тройка»! Официант возник уже с подносом.

– Ваши... действия в Югославии нас впечатлили, – сказал один из мужчин, разглядывая вино на свет. Артёму понадобилась вся его выдержка, чтобы не ляпнуть: «Откуда вы знаете»?

– Господи! – вздохнул он, – хоть бы раз для разнообразия представились. Даже к даме не знаю как обращаться.

– Не больно-то старались узнать, – пожала она плечами, но представилась: «Анна». Артём с легким злорадством понял, что она раздосадована его поведением.

– Юрий Петрович, – сказал тот, которому, скорее всего, было за сорок, хотя и выглядел он на замороженные 35.

– Олаф, – улыбнулся тот, что был помоложе.

– Очень приятно, – кивнул Артём, – Вивикананде.

Они поняли. Впрочем, все это не имело значения – просто разминка.

– Ну вот, теперь, когда яйца разбиты, можем делать яичницу, – подытожил Юрий Петрович. Артём хмыкнул:

– Почему вас всегда трое? Это аллюзия на святую троицу?

Или на тройки судилищ? Или на пирамиду?

– На ТРИшкин кафтан, – сказал Олаф. Услышать такое именно от «викинга» было особенно смешно.

– Ладно, – вздохнул Артём, – давайте, бухтите про то, как наши космические корабли бороздят просторы Большого театра.

Юрий Петрович понял и нахмурился: «Нам тоже не в радость работать с вами. У вас бабушка карабахская. Видно, гены сказываются».

– Я могу уйти, – сказал Артём.

– Не можете! – жесткость, прозвучавшая в голосе Юрия Петровича, была спокойной. Настолько, что впервые за все месяцы этой странной жизни и все встречи с «тройками» Артём испугался как обыкновенный человек, боящийся физической боли. Однако из упрямства попытался «сохранить лицо»: «Почему?»

– Потому, – с той же интонацией пояснил Юрий Петрович, – что кому «чаша сия» предназначена, того она не минует.

– Откуда вы знаете? – гнул Артём, – ваш предшественник сказал, что нас трое, и идет конкурсный отбор. Я завалил конкурс.

– Откуда вы знаете? – спародировал его Юрий Петрович. – Вы же не знаете критериев отбора.

– Черт! – застонал Артём. – Я же все делал плохо.

– С вашей точки зрения.

– Я трус.

– Вас не телохранителем нанимают.

– Но я не хочу!!!

– И Эхнатон не хотел. И Моисей. И Иисус.

– Неправда! Они были избранными. Они знали! Они были готовы, Они...

– Глупости! – безапелляционно перебил Юрий Петрович. – Мы уже говорили о «Да минует меня чаша сия!» – фраза, как вы помните, сказанная Иисусом. Моисея вообще пришлось долго уговаривать – он все пытался отделаться, ссылаясь даже на свое косноязычие. Но и эту проблему, как вы помните, решили.

– А Эхнатон...

– А куда он делся? Так что, какое значение имеют его или их доводы? Важен результат, а он всем известен.

– Да что вы, черт побери, от меня хотите? – взорвался Артём. – Один был фараон, другого Бог за руку водил, третий был вообще сын Божий. От меня вы чего хотите? Я не верю во второе пришествие, я ни во что не верю!

– Я тоже чертовски устал. – Юрий Петрович потер лоб и повернулся к окну. – Власть, могущество, знания... людям кажется, что это дает огромные права и удовольствие. Чушь! Это так утомительно – соответствовать своей роли. Многие из тех, кто обладает этим, съезжают с катушек.

– Ну и плюньте на все, – с надеждой посоветовал Артём.

– А у вас получается? То-то...

– Ладно, – сказал Артём, – давайте по порядку.
– Пошли, – просто сказал Юрий Петрович.

*****

Хаммер плавно летел по шоссе к «Домодедово». Юрий Петрович, действительно, выглядевший усталым, сидел с закрытыми глазами. Но именно он вдруг произнес: «Олаф, по моему, за нами хвост». – Знаю, – спокойно ответил тот, – уже минут 15 пасут. Три машины сменили.

Это были его последние слова. Хаммер расстреляли на перекрестке – из встречной машины. Через пуленепробиваемые стекла! Артёма спасло то, что за секунду до стрельбы, Юрий Петрович столкнул его на пол и прикрыл собой. Когда потерявший управление Хаммер, врезался во что-то, Артём едва не потерял сознание от боли. Превозмогая боль, он попытался встать, но услышал хрип Юрия Петровича: «Замри – будут контрольные выстрелы». И наступила тьма.

*****

Человечки смотрели на него грустно или, скорее, жалостливо. Они вроде молчали, но Артём почему-то знал, что они общаются между собой. И еще он знал, что говорят они о нем и, даже больше – что-то с ним делают. Артёму было все рав-

но. Впрочем, он почему-то был уверен, что от них ему нечего ждать худа. Вот ведь странно, все люди, которые пытались его «завербовать», вызвали отторжение, хотя и говорили правильные вещи, взывая к нему, как к «представителю вида». Человечки же, однозначно принадлежащие к другому виду, были ему симпатичны. Может потому, что они ни к чему не взывали, то есть, не давили на него. Они ничего от него не требовали, напротив, предлагали. Кстати, что они тогда предлагали? Ах да, истину! Познать истину. Почему же он тогда так испугался? Понятно почему – ответственность! Бремя ответственности, ведь владеющий истиной, не может почивать на ней, он должен нести ее в народ, бороться за нее. Надо же, как это даже во сне четко сработало его сознание пофигиста. Скорее даже – подсознание. Как он, не колеблясь, отказался от роли мессии, на которую миллионы людей согласились бы не колеблясь. Черт! Может в этом все дело, может это один из критериев отбора – соглашающийся сразу, не думает ни о трудностях, ни о человеческих жертвах, ни о бремени ответственности. Им руководит гордыня – я избранный!

– Дурак! Как же я подставился! – простонал Артём и понял, что уже не спит. На него сразу обрушился шквал воспоминаний о недавних событиях. Он почти физически ощутил себя в обстрелянном Хаммере, вновь почувствовал, как на его лоб капает кровь Юрия Петровича, увидел лицо Олафа, пытавшегося что-то сказать, но только булькающе-

го красными пузырями. Артём опять застонал и услышал: «Доброе утро». Он с трудом разлепил веки. Увиденное заставило застонать еще раз. Это не были доброжелательные салатные – пусть и странные, но не шокирующие сознание. Эти были диковинные и жуткие.

– Кто вы? – спросил Артём.

– Те, кому ты обязан жизнью, – услышал он какой-то металлический голос.

– Спасибо, – без всяких эмоций сказал Артём. – А те трое, что погибли, этим они обязаны тоже вам?

– Какое тебе дело до них? – с искренним безразличием сказала существо. Артём понял, что его предположение верно и, отвернувшись, произнес: «Беру назад свое спасибо. Меня вы оставили, потому что я вам нужен. Но вы-то мне не нужны».

– Какое нам до этого дело? – слегка модифицировал собеседник свой предыдущий ответ-вопрос. – Суть в том, что вы нам нужны, а мы церемониться не будем. И вы это знаете. Да, не обольщайтесь на свой счет, сами по себе вы ничего не представляете, ваш автопортрет – трус, пофигист и прочее, абсолютно точен. Вы всего-навсего – орудие высшего произвола. Ключ. Ключ нужен не сам по себе, а тому, кто знает, как им воспользоваться.

– Похоже, вы первый, кто это знает. Ни я, ни ваши предшественники не знали, для чего я нужен.

– Вы неправильно поняли, я не сказал, что знаю это, я

сказал, что знаю, как это узнать.

Артём ощутил озноб, он почему-то не сомневался, что эти готовы на все, включая ковырянье в его мозгу на пыточном уровне. Его охватил ужас: «Должен заметить, что ваши предшественники были гуманны со мной не потому, что гуманисты, а потому, что в отличие от вас, они понимали – то, что им нужно, настолько глубоко закодировано во мне, что раскодировать могу только я, причем, по доброй воле. Они много чего использовали, пока поняли это».

– Глупости! Мы в курсе всего, что они делали. Детский сад. Поверьте, наши технологии пробудят вашу... добрую волю. Чем быстрее вы осознаете это, тем меньшими будут ваши потери. Мы не будем показывать вам спящую красавицу, мы...

Дальнейшее Артём не слышал, он почувствовал, как в нем закипает бешенство, а из недр естества пробуждается тот, другой: «Как ты смеешь так говорить со своим владыкой?! Ты, червь, копошащийся в прахе, в ожидании, когда сам станешь прахом! Ты, отнимающий знание у тех, кто владел им и отправляющий их вниз по реке вечности. Ты, поставивший тайну и истину на службу себе и погрузивший мир во мрак». По мере того, как Артём говорил, все большее число странных существ опускалось на колени, бормоча что-то непонятное. – Снимите покровы, – свистящим шепотом сказал тот, кто был в Артёме. Один из коленопреклоненных встал и направился к алтарю. Краем глаза Артём увидел, что верхов-

ный – так он определил для себя своего единственного собеседника – сделал едва уловимый знак и что-то тонкое, пролетев всю залу, вонзилось в шею идущего к алтарю. Его смерть была мгновенной. Артём понял, что, не сумев предотвратить ее, он проиграл раунд. Следовало сделать нечто, что изменило бы ситуацию. Впрочем, все происходило словно помимо его участия, волей и действиями того, кто сейчас доминировал в нем. Тот, другой, слегка напрягся, и с лица верховного упала маска. Вздых ужаса прошелестел в зале. – Маски, – подумал Артём, – черт, всего-навсего маски. Конечно же – это персонажи из пантеона египетских богов! Как же я сразу не догадался?!

Напрасно он занял место и время того, другого. Верховный что-то поднес к губам и тоже упал на мраморный пол. Что-то неуловимо изменилось в атмосфере. Вместо того, чтобы все бухнулись на колени перед Артёмом или хотя бы выразили скорбь по поводу своих потерь, маски словно напряглись. И Артём понял почему – они мысленно просчитывали, кто займет место верховного, они просчитывали интриги. – Вот она вечная причина человеческих поражений с грустью констатировал Артём. Он подошел к лежащему, поднял маску и сказал: «НУ!?». Сказал, как отдают приказ собакам, и почувствовал легкое шевеление масс. Все они молчали и вроде особо не двигались, но Артём не сомневался, что они ведут отчаянный спор на языке едва уловимых знаков и жестов. Наконец, один из них встал и направил-

ся к алтарю. Не доходя до него, он что-то проделал руками в воздухе, и стена раздвинулась как створки, обнаружив пирамиду. Что-то в ней было странное. Артём подошел ближе, почти на расстояние вытянутой руки и почувствовал, что какая-то неведомая преграда не позволяет ему пройти дальше. Это было силовое поле, Артём в этом не сомневался так же абсолютно, как абсолютно не мог понять, как такое могло здесь быть? В следующую секунду спиной он почувствовал очередное изменение настроения клики. Теперь они сомневались – тот ли он, за кого выдавал себя, если не умеет перешагнуть черту. И тут Артём понял, что это пирамидка из его сна. И сразу пришло решение. Он что-то начертил в воздухе, что-то, что тогда начертала Нефертити, и пирамидка зазвенела треугольниками пластин. Вдох ужаса, смешанного с восхищением прошелестел по залу и... прогремел взрыв.

*****

– Господи, – взмолился Артём, приходя в себя, – как же осточертело умирать и воскресать.

– Проснулись? – услышал он и скосил глаза в бок. Наконец-то увиденное не разочаровало его. Девушка в белом халатике была очаровательна. Даже шприц в ее руке не портил картины. – Как вы себя чувствует? – улыбнулась она, и Артём улыбнулся в ответ: «Как выходец с того света». – Значит, чудесно, – подытожила она, – Вряд ли ваше место там. А те-

перь дайте руку, и через пять минут вам будет еще лучше.

– Вы уверены? – он не смог скрыть тревоги в голосе, и она улыбнулась еще шире: «Сейчас убедитесь». Он покорно протянул ей руку. Через пять минут его сознание начало погружаться в сон, успев отметить, что только дураки доверяют женщинам. Особенно, хорошеньким.

Когда он опять пришел в себя, то не смог сдержать удивление – та же девушка, тот же шприц. – Дежавю! – выдохнул он. – Да что вы, – засмеялась девушка, – просто повторяющаяся процедура.

– А обещали, что будет лучше.

– Разве вам хуже? – обеспокоено спросила она. Артёму пришлось признать, что лучше. Причем, настолько, что в нем ожил охотничий инстинкт. Дверь открылась как всегда не вовремя. Вошедшие сразу подпадали под категорию «люди в штатском». Медсестра мгновенно стерев с лица улыбку, вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– Как вы себя чувствуете? – спросил один из посетителей.

– Двойка, – сказал Артём.

– На двойку? – удивился тот. Артём не стал откровенничать по поводу того, что прежде визитеров было по трое, а тут впервые – двое. Он просто покачал головой: «Нет, слава Богу, достаточно хорошо. Просто вы не поздоровались и не представились». К его огромному удивлению, собеседник покраснел. Впрочем, тут же нашелся: «Сейчас главное – ваше здоровье». – Спасибо! – проникновенно сказал Ар-

тём. – А для кого?

– Ладно, вмешался второй, – давайте по-простому. Вот удостоверения – мы из ФСБ. Нашим ребятам удалось спасти вас. Именно спасти – вас тащили к жертвеннику.

– Как это? Ведь был взрыв, – нахмурился Артём.

– Был. Только не все отрубились. А теперь, следуя законам жанра, я вынужден сказать: «Вопросы задаем мы». Так что, друг мой, с учетом всего, сделанного для вас, хорошо бы получить что-то и от вас.

– «Торг здесь не уместен», – некстати процитировал Артём и услышал:

– Похоже, вы вообще не умеете торговаться. Что кстати, удивительно для представителя вашей нации.

– Мне даже лень становиться в позу оскорбленного достоинства, – вяло изрек Артём.

– А я и не оскорблял. Миром – этим миром – правит торгующий. И давайте не будем утомлять ваш утомленный мозг и истощенный организм. Пока его здесь приводили в порядок, мы кое-что узнали о вас. Признаться, очень интересно. За короткий срок вы умудрились попасть в переделки в нескольких странах. С чего бы это?

– Знал бы прикуп, был бы в Сочи, – хмуро буркнул Артём и добавил со всей искренностью, которую мог из себя выжать: «Какая-то чертовщина вокруг меня происходит, но как только что-то начинает проясняться, случается какая-нибудь гадость».

– Вы о взрыве на шоссе? – спокойно спросил второй, – Или о событиях в Ереване? А может о похищении в Израиле?

– Кстати, – Артём решил идти напролом, – эти уроды, которые меня собирались принести в жертву, они кто?

– То есть, про остальных вам известно?

– Не ловите на слове. Этих, в отличие от прочих, вы в натуре видели. Наверное, и поймали некоторых. Я, во всяком случае, на это надеюсь.

– Поймали.

– Ну и? Я же имею право знать, кто и почему охотился на меня.

– Имеете. Только они утверждают, что вам это хорошо известно.

Артём хотел что-то сказать, но в это время первый из штатских нажал на пульт. На экране телевизора возникла картинка. Артём увидел, как в зал, заполненный людьми в масках, ворвались люди в камуфляже. Увидел, как часть масок суетится возле завесы. С мысленным облегчением отметил, что она закрыта и пирамидки не видно. Другие маски что-то проделывали над ним, Артёмом, лежащим на странном ложе, больше похожем на саркофаг. Потом автоматная очередь сразила их. Камера близко показала лицо Артёма – очевидно, она была у того, кто склонился над Артёмом. Впрочем, точнее сказать, над Эхнатомом. Потом его положили на носилки. На следующих кадрах он был уже в этой

палате. На последнем – у него уже было собственное лицо.

– Ну что, впечатляет? – спросил один из штатских.

– Да, – хрипло сказал Артём, – И все-таки, кто они?

– Ложа «Великая Вечность».

– Масоны? – искренне удивился Артём.

– А вы думали инопланетяне? – ушел от прямого ответа его собеседник. – И так?

– Слушайте, раз вы предпочитаете законы – законы жанра, я имею в виду – давайте, задавайте вопросы, может, так что и получится.

– Отлично. Откуда вы знаете тех троих, с которыми были в машине? Кстати, как они вам представились?

Артём рассказал все и завершил: «Я передал все, совершенно ничего не утаивая. Все равно, в это поверить невозможно, и потом это уже секрет Полишинеля.

– Почему же невозможно? Случаются вещи и похлеще. А этот на маскараде... они что хотели?

– Того же, что и остальные, то есть, сами не знали, что конкретно. Артём и сам не понимал, почему рассказав этим двоим так много, он утаил самое главное – пирамидку. Может, хотел понять, сколько знают они, насколько верят ему, как блефуют.

– Выходит, вы Мессия? – после секундной паузы спросил один из штатских. В его голосе не было почтения, но не было и сарказма. Наверно, так же он спрашивал очередного допрашиваемого: «Выходит, вы и написали этот донос?».

– Не знаю, – пожал плечами Артём, – Говорят, я не единственный, кто проходит тестирование. Про остальных не знаю, но что до меня, то эта роль не по мне. Я даже буду благодарен, если вы поможете мне отвертеться.

Вроде они и не переглянулись, но Артём понял, что усмешку в глазах друг друга оба отметили. Он покраснел: «Напрасно не верите. В противном случае, я был бы не здесь, а... А где? Не знаю. Кажется, я устал. Или вы будете брать измором?»

– Зачем? – искренне удивился один из штатских, и Артём понял, что под этим читается – есть куда более эффективные методы. Двое встали, кивнули, пожелали ему здоровья и вышли. Артём прикрыл глаза. Он не открыл их даже тогда, когда ему сделали очередной укол.

*****

Артём ожидал увидеть кого угодно, только не Котика. Признаться, он успел как-то подзабыть начало своей новейшей истории. Котик, слава Богу, не улыбался. Он был откровенно хмур. Так же хмуро буркнул: «Привет, Тутанхомон». И тут Артёма прорвало. Он орал, как жена, имеющая на руках неоспоримые доказательства измены мужа. О чем – хоть убей, никогда потом не мог вспомнить. Наконец, когда силы иссякли, снова повалился на подушку. Котик жидко захлопал: «Браво! И тебе того же. Одно утешает – ты оклемался.

Хочешь прокатиться?». Артём недоверчиво захлопал ресницами. – Одевайся! – буркнул Котик, кивнув на пакет, и вышел. Через 20 минут они мчались по шоссе в сторону дачных поселков.

С виду дача, куда они приехали, ничем не отличалась от соседних. Но стоило оказаться на территории, становилось ясно, как обманчиво первое впечатление. Это была модель современной версии «мой дом – моя крепость». В конце необъятной рощи имелся даже ров. А уж в том, что все здесь – до последнего кустика, нашпиговано новейшими техническими достижениями, можно было не сомневаться. Тем не менее, беседовали они не в доме, а гуляя по роще. Котик рассказывал Артёму о «Великой Вечности». Сведения, впрочем, были достаточно скудными. Поначалу, когда информация о них стала только просачиваться, казалось, что это обыкновенные неофиты. Может, так оно и было, может, масоны, чья репутация скатилась почти до уровня репутации официальной церкви, в отличие от той, пытались создавать что-то новое, для привлечения внимания. Может это вообще были не масоны. Может, ... версий было достаточно, но ни одна из них не имела достаточно убедительной базы. Одно было неоспоримо – «ВВ» – это организация технарей такого уровня, что никакие умники из спецслужб, никакие продвинутые хакеры в подметки им не годятся. Только через три года после того, как сама «ВВ» стала дозировано выдавать информацию о себе, аналитикам пока-

залось, что «дозы» – не просто автопиар. «ВВ» подбрасывало в сеть задачки, проанализировав которые, плюс, шквал ответов, можно было предположить, что они достаточно целенаправленно ищут что-то вокруг пирамид. Но что именно, понять было невозможно – конструкция доз сбивала с толку. Понятно, что весь мир помешан на тайных знаниях египтян и атлантов, в поисках которых все роют носом землю. Но создавалось такое впечатление, что в отличие от многих, «ВВ» уже что-то знают или даже имеют. И теперь они вышли на следующий уровень. Кстати, «ВВ», возникшая в России, иногда писалась, как «VV» (VIKTORIA VERITAS), а иногда «W» (DABL VERITAS). Ее апологеты утверждали, что Истина не может быть одномерной, что для человечества, существующего в четырехмерной системе «пространство-время», она, как минимум, должна быть четырехмерной. Как идеальная пирамида. Фактически, их ноу хау состояло в том, что ко всем математическим, астрономическим и энергетическим чудесам, связанным с пирамидами, они добавили собственную эзотерическую составляющую. «Двойная истина» – это по их убеждениям вовсе не двойной стандарт, скорее, стандарт, имеющий две стороны, ибо в мире нет ничего одностороннего. Четырехмерность истины – это уже следующий шаг, видимо после того, как их заклинило на пирамидах. «ВВ» уверенно и аргументировано доказывала, что пришло время **НОВОЙ ИСТИНЫ**, а поскольку, все новое – это хорошо забытое старое, то пришло время **СТАРОЙ ИС-**

ТИНЫ В НОВОМ ОБЛИЧЬЕ.

– Я дам тебе почитать кое-что из их работ – легче будет понять, что к чему, – завершил свой монолог Котик.

– А к чему ты мне все это рассказываешь? – устало спросил Артём.

– К тому, тутанхомонистый ты наш, что очень не случайно они охотились на тебя.

– Зачем же вы им помешали? Принесли бы они меня в жертву, и что-то для вас прояснилось бы.

– А если бы процесс стал необратимым или неуправляемым?

– А я думал меня спасали из гуманности. Ну не дурак ли? – с иронией сказал Артём.

– Дурак! – не стал возражать Котик. – Но уже и ежу ясно, что ты представляешь какую-то ценность. Так что, будь спок – твоя милиция тебя бережет.

– Слушай, а помнишь – «Не будет армян, не будет армянского вопроса»? Может правильной меня хлопнуть и пусть «ВВ» и все прочие остаются на нынешнем уровне. Кто знает, когда еще появится мой сменщик! Может к тому времени человечество поумнеет.

– Никогда оно не поумнеет, – тоскливо сказал Котик, – Ты-то хоть нормальный самокопающийся интеллигент, выросший на Толстом и Достоевском. С тобой побазарить можно. А сменщик может оказаться заодно и сменщиком Гитлера – два в одном. Кстати, Гитлер, как тебе известно, был

повернут на тайных знаниях и поисках артефактов. Похоже, именно тайные знания были его идеей фикс, а Третий Рейх – всего лишь инструмент выйти на них.

– Сейчас придумал?

– Пошарь в инете и пораскинь мозгами. Идем, шашлык готов.

Они сидели в беседке под деревьями, ели шашлык, говорили о женщинах и, почему-то – о хакерах. Артём мучительно ждал момента, когда ему скажут, что пора ехать обратно. Когда где-то за полночь Котика попросили к телефону в дом, он практически не сомневался, что речь пойдет о возвращении «туда». Он так был поглощен этой мыслью, что вздрогнул, услышав голос Котика: «Здесь отличный бассейн. Окунемся?»

И только, когда вдоволь наплававшись, они лежали на бортике бассейна, как в детстве глядя на звездное небо, Артём спросил: «Кот, хоть ты не играй со мной в кошки-мышки. И так муторно».

– Это ты играешь... втемную. Может, ты кого и провел, но мы с тобой на один горшочек ходили. Думаешь, ты сильно изменился? Как я могу тебе помочь, если ты всегда говоришь полуправду?

– Ну, что вы от меня хотите? – с тоской спросил Артём.

– Не знаю. Если верить тебе, то никто не знает. Это при том, что те, кто на тебя выходит, хоть что-то да знают.

– Видишь, сплошная темень. Откуда же мне знать?

– Тём, не темни. Думаю, «ВВ» что-то тебе открыли. Ты стал какой-то другой.

– Не нравится мне все это... ФСБ, ЦРУ, МОССАД...

– Они тоже выходили на тебя? – удивился Котик.

– Нет, успокойся. Я о «конторах» вообще.

– Один – ты слишком легкая мишень. Неужели не убедился?

– Ты в Интерполе? – неожиданно спросил Артём и с удовольствием отметив, что попал в цель, решил не ждать ответа – все равно, правды не услышит. Про себя же решил, что Интерпол все же лучше, чем разведка какой-то конкретной страны. Да и Котик – лучше, чем кто-то незнакомый.

– Ладно, – сказал он, – давай свое чтиво про «ВВ». Может, что и прояснится. Потом поговорим.

Котик кивнул и встал. Артём тоже поднялся. Пока шли к дому, он решил – отвезут обратно, фиг, что скажу. Оставят здесь... посмотрим.

Его оставили на даче. Котик уехал, а Артём сел перед компьютером.

Под утро он нарыл достаточно материалов, чтобы приблизительно понять, что это за «ВВ». Выдергивая из разных религий куски и новейших достижений науки, они выстраивали определенную концепцию, доказывающую, что мир находится на грани краха и только они способны остановить процесс. Поскольку они были далеко не единственными, кто придерживался подобной точки зрения, то Артём

решил позабавиться, взяв за исходную точку Прометея, которого «ВВ» возносили на пьедестал. В одной из их статей утверждалось, что огонь – главный или собирательный образ тайн, дарованных Прометеем людям. И что он не считал, это преступлением, так как «позаимствовал» его у олимпийцев, в свою очередь, аналогично «позаимствовавших» его у египтян. Причем, олимпийцы, по утверждению автора статьи, были вовсе не богами, а одной из протоцивилизаций, которую обожествили после ее бесследного исчезновения. Чтобы минимизировать нападки, он поставил рубрикой «Вопросы дилетанта», позволяющие ему жонглировать информацией. К тому же это давало возможность не «изрекать истину в последней инстанции», что обычно раздражает, а ставить вопросы, что особенно привлекательно для разношерстной интернет аудитории

НЕОФОРМИСТЫ – ПРЕСТУПЛЕНИЕ или ПОДВИГ?

«На идеализации образа Прометея выросло не одно поколение людей. Причисленный к лику святых мучеников, он отнесен к безусловно положительным героям. Именно его – да не сочтется это кощунством, некоторые считают языческим предтечей Христа. Они утверждают, что его подвиг даже выше. Ведь Христос, будучи одной из ипостасей Бога-отца, разделял с ним ответственность за человечество, в том числе и за его преступления, заблуждения и слабость. Распятие Бога-сына – это

«форма искупления Богом-отцом своей вины за несовершенство своих творений, за их слабость. Но даже наказание Себя носило локальный характер, ведь каким бы тяжким ни было вознесение на Крест, оно имело начало, оно имело и конец. Как бы ни было тяжело сознание того, что в один вечер один из твоих учеников предаст тебя, знание того, что каждый день в одно и то же время один и тот же коршун будет клевать твою печень, несоизмеримо тяжелее. Прометей был наказан Вечностью. Так соразмерно ли наказание Прометея и Иисуса их «преступлениям»? И не нелепо ли вообще сравнивать их, ведь первый пошел против воли богов, второй же, напротив, слепо исполнил волю Бога. Если что и роднит их, то скорее, то, во имя чего они играли против правил своего времени. А действовали они оба во имя любви к людям! Выходит, это и есть их преступление?! По сути, а не по форме!

Если Христос принес людям свет Истины через Слово, то Прометей принес не меньшее – свет жизни через огонь.

Одного приковали цепями к вершине Кавказа, другого – распяли на вершине Голгофы. Христос был «наказан» во времени. Прометей был наказан вне времени. Вечностью. Наказание Прометея впечатляет именно этим. Оно воспринимается тем более жестоким, и незаслуженным, что в основе его «преступления» настолько

благородная цель, что поведение богов, по отношению к нему воспринимается не иначе как месть, облаченная в злобно жестокую форму.

Не это ли сбивает с толку? Не это ли мешает нам, смертным, понять, что Прометей действительно совершил преступление?

Ах, как нетрудно любить тех, кто дает нам то, чего у нас нет, ничего не требуя взамен. Даже, или особенно, не требуя ответственности. Вот за это боги и наказали Прометея так люто. Они-то знали, что человечество натворит очень много бед, может непоправимо много, прежде чем придет к тому пониманию силы огня, его двусущности, которые ведомы только им – богам.

Увы, человечество оправдало самые худшие из их ожиданий. Вот почему Прометей был наказан так жестоко. Лишенный счастливой возможности принять свой конец, он обречен на вечное лицемерие последствий своего Подвига.

Так можно ли считать подвигом несвоевременный дар, принесенный из самых «благих намерений»? Ведь сказано, что, «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Ад же самого Прометея – на вершине Кавказа. Понял ли он, взирая оттуда на игры человечества с огнем, глубокую символику безграничья меры своего наказания?

Даря человечеству огонь, Прометей хотел сделать людей свободными и сильными. Но, став хозяином огня, человечество стало и его рабом.

Огонь был тем первым шагом, который поставил человечество над природой, ибо внушил ему, что через силу – силу огня, он получает если не власть над ней, то – свободу от ее власти над ним. Освободившись от обожествляемых сил природы через божественно-природную сущность огня, человечество не обрело истинной свободы, ибо «сила действия» – огонь – всего только один из компонентов свободы. Второй —это «сила воздействия» – Слово. Слово, которое, тоже было даровано человечеству и тоже – через жертву его (Слово) приносящего.

И Прометей, и Иисус пришли в мир, когда он нуждается в глобальном изменении. Они были неоформистами. А неоформисты – это мощный выплеск старого времени, формирующий новое время.

Одно из величайших деяний Иисуса в том, что он «раскодировал» букву и дух иудаизма, ведь евреи, в отличие от остальных, не насаждали свою религию другим, а напротив, считали себя единственными посвященными. Эдакая замкнутая на себе каста жрецов общенационального или общечеловеческого масштаба.

Как Прометей, который разомкнул круг избранных, владевших «знанием-огнем», Иисус разомкнул круг из-

бренных, владевших «знанием-словом». Он сделал доступными и понятными для огромной части человечества то основное из иудаизма, в чем особенно нуждалось общество того времени. Он сделал Слово Божье понятным миллионам.

За что же он понес наказание? Может ли кто-нибудь внятно объяснить это? Оставим досужую точку зрения, утверждающую, что чем тяжелее перенесенные страдания, тем глубже врезается в память людскую тот, кто их перенес. Может и впечатляет, но со временем стирается. Что же тогда?

Неужели наказание было только ради того, чтобы показать, как омерзительны люди? Но разве Богу это было неизвестно? Он, что забыл бедолагу Лота, так и не нашедшего десяток праведников? Он, что, не знал, что суть человека неизменна? Или Распятие было всего лишь точкой отсчета – ожиданием второго пришествия, апокалипсиса и отбора чистых духом? Или продление рода человеческого всего для того и нужно, чтобы увеличить количество безгрешных? Но ведь совершенно очевидно, что количество не переходит в качество. Точнее, переходит, но со знаком минус. Тогда, что же, тот, чье имя и называть не хочется, выигрывает в количестве, угрожаясь приближающемся к качеству?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.